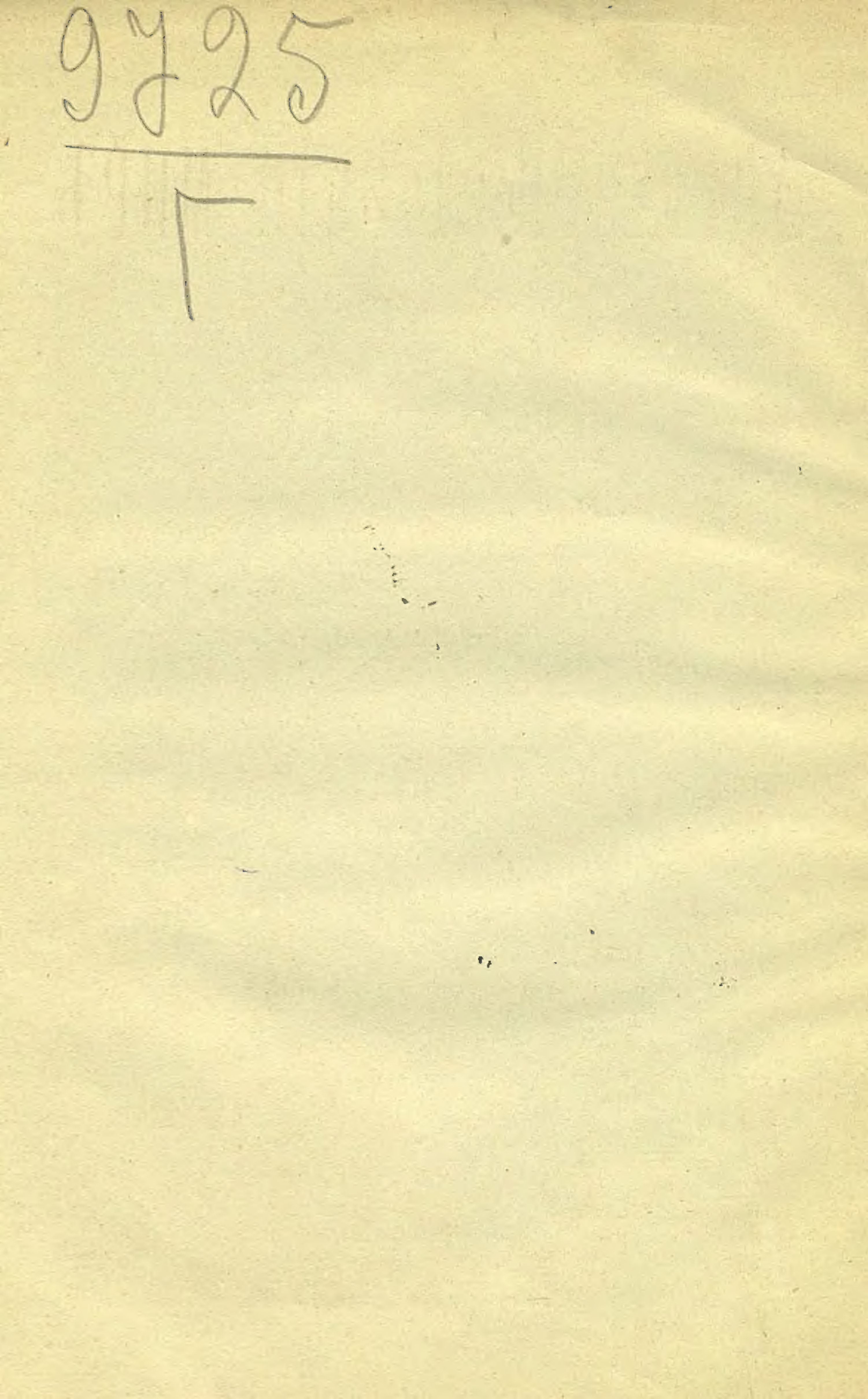

9725
Г

АДРІАНОПОЛЬСКІЙ МИРЪ

1829 ГОДА.

Изъ переписки графа Дибича.

Н. К. Шильдеръ.

Оттискъ изъ декабрской книги журнала «Древняя и Новая Россія» 1879 г.

С.-Петербургъ.
Типографія В. И. Граціанскаго,
Невскій пр., ряд. съ Пассажемъ, № 46.
1879


2007099445

АДРІАНОПОЛЬСКІЙ МИРЪ
1829 ГОДА.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФА ДИБИЧА.

Одинъ изъ Русскихъ писателей справедливо замѣтилъ, что въ Россіи славныя войны съ Турціею едва извѣстны соотечественникамъ, и для многихъ составляютъ одно баснословное преданіе, столь же неблизко имъ знакомое, какъ и походы крестоносцевъ. Упрекъ этотъ тѣмъ болѣе заслуженный, что въ Западной Европѣ совершенно иначе относятся къ отечественной исторіи. Каждое выдающееся событіе въ жизни государства, каждая даже незнаменитая кампанія находитъ своего исторіографа.

Блестящіе успѣхи Русскаго оружія, которыми заключилась кампанія 1829 года, угрожали Оттоманской Портѣ неминуемою гибелью: перейдя Балканскій хребетъ, армія наша утвердилась на берегахъ Чернаго и Эгейскаго морей и, находясь уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Цареграда, остановилась. Однако, несмотря на побѣдоносный исходъ войны, императоръ Николай выказалъ въ переговорахъ съ Оттоманскою Портою рѣдкое великодушіе и замѣчательное безкорыстіе, невстрѣчающіяся болѣе въ современныхъ намъ войнахъ. «Великодушіе государя императора дозволило существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ» [1].

Высоко-рыцарскія чувства, одушевлявшія постоянно императора Николая, лучше всего выразились въ собственноручномъ письмѣ государя къ графу Дибичу, отъ 1-го (13-го) сентября 1829: «Любезный другъ, теперь болѣе чѣмъ когда-либо отнесемъ все Богу, и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго. Вотъ—слава, о которой я мечтаю, и да хранитъ меня Господь добиваться иной; я же увѣренъ, что вы меня понимаете».

---

[1]) Слова эти принадлежатъ одному изъ нашихъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей графу Николаю Павловичу Игнатьеву. См. статью шт.-ротм. Игнатьева въ «Военномъ Журналѣ» 1852 года: «Взглядъ на постепенное измѣненіе въ образѣ дѣйствій Русскихъ войскъ противъ Турціи».

Предлагаемые ниже матеріалы первостепенной важности, относящіеся къ 1829 году и непоявлявшіеся доселѣ въ печати, ознакомятъ читателей съ ходомъ событій и переговоровъ на Балканскомъ полуостровѣ, которые привели къ скромному Адріанопольскому трактату, увѣнчавшему собою двухлѣтнее единоборство Россіи съ Оттоманскою Портою [1].

Н. Шильдеръ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича [2].

Адріанополь.—9-го августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ в. и. в. ключи Адріанополя, занятаго храбрыми и неутомимыми войсками вашего величества,—вчера въ 10 часовъ утра, безо всякой потери, въ силу капитуляціи, которую я счелъ нужнымъ заключить для полнаго сохраненія этаго обширнаго города.

Зная, что начали укрѣплять Адріанополь, къ которому доступъ очень затруднителенъ; что Галиль и Ибрагимъ-паши должны были занять его своими войсками; что тамъ уже находилось нѣсколько полковъ и 12-ть полевыхъ орудій, прибывшихъ изъ Константинополя, и что ждали еще подкрѣпленія, отъ 6-ти до 8-ми тысячь человѣкъ, подъ начальствомъ Османа-паши; что наконецъ старались вооружить гражданъ хотя и не съ большимъ успѣхомъ,—я счелъ необходимымъ поторопиться нанести ударъ, который, надѣюсь, доставитъ намъ столь желанный миръ. Не дожидаясь прибытія резервовъ, за исключеніемъ баталіоновъ для 18-й дивизіи, только-что включенныхъ въ наши полки, пользуясь хорошимъ духомъ арміи и полнымъ изнеможеніемъ непріятеля, я выступилъ изъ Ямболя 4-го августа. Пройдя разстояніе больше 60-ти верстъ до Буюкъ-Дербента по гористой и каменистой дорогѣ, болѣе трудной, чѣмъ дорога черезъ Балканы, двигаясь притомъ въ сильнѣйшую жару, я далъ отдыхъ войскамъ въ день Преображенія, а 7-го подошелъ къ Адріанополю. Войско, которое къ несчастію чрезвычайно ослабѣло отъ невыносимыхъ жаровъ, начавшихся съ 25-го іюля, совершило, однако, этотъ утомительный переходъ съ тѣмъ же рвеніемъ и съ тою же охотою, которою отличалось впродолженіе этой многотрудной кампаніи. Однако, армія значительно ослабѣла отъ болѣзней и изнуренія.

---

[1] Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 13-го октября 1829, вице-канцлеръ графъ Нессельроде оцѣнилъ Адріанопольскій мирный трактатъ слѣдующими словами: «Les gazettes étrangères commencent déjà à déraisonner sur notre traité de paix. Laissons les dire, allen kann mann es nicht recht machen, mais tout ce qu'il y a de gens raisonnables, jugeant sans passion et avec impartialité ne trouve rien à redire et pense que la paix unit aux avantages que tant de victoires nous autorisaient à reclamer cette modération qui caracterise si noblement la politique de l'Empereur. Contentons nous, mon cher maréchal, de leur suffrage et moquons nous du reste. Avec cette maxime on est toujours sûr de faire de la bonne besogne».

[2] Всеподданнѣйшія письма графа Дибича всѣ писаны на Французскомъ языкѣ. Строки и слова, напечатанныя съ разрядкою, подчеркнуты въ подлинникѣ.

Н. Ш.

Со мною всего нижеслѣдующее число войскъ:

Втораго пѣхотнаго корпуса:

2-я бригада 2-й гусарской дивизіи менѣе . . . . . 1,000 лош.
$1^1/_2$ роты конной артиллеріи . . . . 12 оруд.

(Полкъ эрцгерцога Фердинанда и 4 орудія находятся съ генераломъ Будбергомъ на пути изъ Киркилиссы; полкъ Павлоградскій съ генераломъ Завадскимъ былъ посланъ въ Казанъ).

5 полковъ пѣхоты 5-й дивизіи съ артиллеріею . . 4,000 челов. и 24 оруд.

(Ладожскій полкъ прикрываетъ главную квартиру и обозъ).

6-я пѣхотная дивизія съ генераломъ Будбергомъ.

Всего 2-го корпуса: 1,000 лош., 4,000 чел., 36 орудій.

Шестаго пѣхотнаго корпуса:

4-я дивизія уланская около . . . . . 2,000 лош. и 8 орудій
5 полковъ 16-й пѣхотной дивизіи . . . 3,000 чел. и 24 »

(Камчатскій полкъ не могъ быть еще въ дѣйствіи вслѣдствіе подозрѣнія въ заразѣ, отъ которой умерло двое).

7-я дивизія еще откомандирована, за исключеніемъ . . 10 оруд.

Всего 6-го корпуса: 2,000 лош., 3,000 чел., 42 оруд.

Седьмаго пѣхотнаго корпуса:

2-я бригада Бугской уланской дивизіи . . . . . 1,500 лош.
18-й дивизіи, 4 полка съ резервами . . . . . . 4,000 чел. и . . . . 16 оруд.

(35-й егерскій полкъ еще въ походѣ, а Казанскій еще остался въ Базарджикѣ; 8 орудій еще идутъ съ Балканъ).

3-я бригада 19-й дивизіи. . . . . 1,200 чел. и 12 оруд.

Всего 7-го корпуса: 1,500 лош., 5,200 чел. и 32 оруд.

Итого: 4,500 лошадей, 12,200 челов. пѣхоты и 100 орудій.

Еще 7-го вечеромъ я произвелъ съ генераломъ Толемъ подробную рекогносцировку окрестностей Адріанополя и ближайшихъ къ нему доступовъ и, отдавъ необходимыя диспозиціи для атаки, я отправилъ парламентера къ каймакаму Мехмеду-пашѣ, который начальствовалъ надъ городомъ во время отсутствія Али-паши, занявшаго мѣсто Абдурахмана-паши, съ обычными предложеніями для сдачи города, предоставляя войскамъ свободное отступленіе, лишь только они отдадутъ оружіе и знамена. Срокъ отвѣта былъ назначенъ до четырехъ часовъ 8-го числа. Мой парламентёръ былъ предупрежденъ, что сераскиръ Галиль, трехъбунчужный Ибрагимъ-паша, командовавшій войсками и каймакамъ просятъ отсрочку на недѣлю, или по крайней мѣрѣ на три дня, будучи увѣренными въ предстоящемъ заключеніи мира, предложеннаго мнѣ уже визиремъ; къ тому же они ссылались на необходимость просить приказаній изъ Константинополя. Фонтонъ, который самъ отправился для переговоровъ, отказалъ имъ на-отрѣзъ; я счелъ, однако, возможнымъ дать имъ отсрочку до девяти часовъ утра, потомучто раньше этаго часа не-

возможно было направить колонны для атаки рѣшительныхъ пунктовъ. Я имъ объявилъ откровенно, что ни на минуту не остановлюсь въ своемъ движеніи. Всѣ колонны двинулись въ пять часовъ утра. Но они едва успѣли тронуться съ мѣста, какъ въ 5¼ парламентеры города объявили, что они готовы подчиниться предложеннымъ условіямъ, но съ просьбою оставить оружіе пашамъ и главнымъ офицерамъ, на что я охотно согласился, зная, какую цѣну они придаютъ оружію, и будучи увѣренъ, что они постараются избѣжать случая поднять его противъ насъ.

Затѣмъ согласились къ девяти часамъ освободить для насъ казармы— прекрасное зданіе на 8000 человѣкъ пѣхоты, старый сераль и сдать ключи отъ цитадели (расположенной въ центрѣ христіанской части города), такъ какъ городъ самъ-по-себѣ не имѣетъ воротъ. Въ то же время Турецкія войска, во избѣжаніе безпорядковъ въ городѣ, должны были положить оружіе тамъ, гдѣ они находились; подчинившіеся этому требованію могли быть выведены изъ города ихъ начальниками по любой дорогѣ, кромѣ Константинопольской.

Я остановилъ движеніе пѣхоты, которую велъ самъ, и кавалеріи, состоящей подъ начальствомъ графа Толя, между тѣмъ какъ остальная часть этой послѣдней продолжала двигаться по дорогамъ на Константинополь и Демотику.

Послѣ 7-ми часовъ прибылъ еще парламентёръ, вручившій мнѣ пакетъ, въ которомъ лордъ Гордонъ и графъ Гильемино просили меня отправить два пакета ихъ посланникамъ въ Петербургѣ и предупреждали о предстоящемъ пріѣздѣ г. Мюффлинга, не сообщая больше ничего. Турки же приписывая этимъ бумагамъ другое значеніе и расчитывая даже на посредничество, велѣли сказать мнѣ, что курьеръ сообщилъ имъ, что переговоры относительно Греціи окончены, и что Турецкіе уполномоченные находятся уже въ дорогѣ (это мнѣ показалось весьма сомнительнымъ); поэтому они полагали, что я найду излишнимъ занять городъ за нѣсколько дней до мира. Я просилъ увѣрить ихъ въ противномъ и, чтобы яснѣе подтвердить сказанное, я приблизился съ пѣхотою и остановился въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Тогда произошло единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: тысячи жителей всякаго возраста, Турки и христіане дружелюбно выходили на встрѣчу нашимъ войскамъ, которымъ запрещено было стрѣлять, развѣ только въ случаѣ нападенія. Между этими жителями находилось большое количество солдатъ изъ регулярныхъ войскъ, безъ оружія, и много офицеровъ, вооруженныхъ и невооруженныхъ, которые пришли только изъ любопытства. Въ то же время паши велѣли сказать мнѣ, что въ опредѣленный мною часъ они передадутъ вышеупомянутые пункты, равно какъ и ключи. Дѣйствительно въ 10 часовъ я получилъ ихъ изъ рукъ каймакама и двухъ-бунчужнаго Али-паши, того самаго, который командовалъ въ Дервишкёѣ. Сераскиръ Галиль и Ибрагимъ-паша изъ Тульчи, явно испуганные нашимъ приближеніемъ, поспѣшно заставили положить

оружіе большую часть солдатъ регулярной пѣхоты, численностью отъ 3 до 4000 человѣкъ, находившихся въ городѣ; это были остатки полковъ, разбитыхъ и разсѣянныхъ при Камчикѣ, Месемвріѣ, Айдосѣ и Ямболѣ; они хотѣли потомъ бѣжать по дорогѣ въ Константинополь вопреки конвенціи, но эта Турецкая безпорядочность причинила имъ непріятность попасть въ руки генерала Крейца, который, продержавъ ихъ нѣсколько часовъ и обезоруживъ, отправилъ по дорогѣ въ Демотику.

Въ городѣ и его окрестностяхъ намъ достались 54 орудія, изъ числа которыхъ 12 полевыхъ, 6 осадныхъ и 8 фальконетовъ, изъ нихъ четыре весьма древнія и двѣ съ Французскою надписью: «liberté et égalité»; 5 бунчуковъ, изъ коихъ одинъ урѣзанъ, нѣсколько тысячь ружей, которыя я роздаю Болгарамъ для ихъ собственной защиты; много пороха и другихъ военныхъ принадлежностей.

Я приказалъ генералу Будбергу двинуться къ Киркилиссѣ; войска, находившіяся тамъ, были легко обращены въ бѣгство гусарами эрцгерцога Фердинанда полка, и генералъ Будбергъ думаетъ теперь занять Люле-Бургасъ, гдѣ я ему прикажу остановиться, выдвинувъ впередъ только козаковъ. Османъ-паша, выступившій съ нѣсколькими тысячами человѣкъ изъ Константинополя, возвратился въ столицу, лишь только узналъ о пашемъ движеніи къ Адріанополю и о приближеніи генерала Будберга.

Послѣ прибытія резервовъ, назначенныхъ для 5-й дивизіи, я отправляю ихъ послѣ суточнаго отдыха съ графомъ Паленомъ въ Киркилиссу; генералъ Будбергъ займетъ Визу и очиститъ дорогу въ Мидію, которую я приглашаю занять адмирала. Такимъ образомъ я приготовлю новую линію для снабженія провіантомъ па случай неудовлетворительнаго хода переговоровъ, которые надѣюсь скоро откроются. Въ ожиданіи этаго я соберу все, что могу, и организую страну.

Новости отъ генерала Киселева менѣе утѣшительны, чѣмъ прежде. Генералъ Гейсмаръ, охваченный Богъ-знаетъ почему какими-то неосновательными опасеніями въ виду возможныхъ дѣйствій со стороны Скодрійскаго паши, перешелъ опять Дунай, вмѣсто того чтобы двинуться противъ этаго паши къ Виддину, разбить и уничтожить его жалкія войска, какъ онъ самъ сознавался въ этомъ брату князя Милоша, который сообщилъ объ этомъ генералу Гейсмару. Этотъ генералъ, отличный на полѣ битвы, къ несчастью интриганъ и плохій подчиненный. Я съумѣю принять мѣры, которыя разрѣшаетъ мнѣ довѣріе вашего величества и которыя, если только этаго не потребуетъ долгъ службы, не оскорбятъ генерала, оказавшаго дѣйствительныя услуги. Я приказалъ генералу Киселеву снова перейти Дунай, чтобы разбить Скодрійскаго пашу, оставивъ двѣ бригады пѣхоты и одну кавалеріи передъ Журжевымъ.

28-го числа генералъ Красовскій разбилъ при Марашѣ съ 14-ю баталіонами и 8-ю эскадронами великаго визиря, который, вѣроятно, по совѣту Гуссейна паши, хотѣлъ воспользоваться разбросанностью силъ сли-

шкомъ смѣлаго генерала Красовскаго. Турки отступили передъ сильнымъ огнемъ конной батарей № 19 и батарейной 9-й бригады; наши молодцы преслѣдовали ихъ вплоть до ретраншементовъ, разсѣявшись по горамъ, окружающимъ Шумлу. Потеря ихъ простирается до 1000 человѣкъ. Нѣсколько дней спустя генералъ Красовскій сдѣлалъ рекогносцировку со стороны Дормуса; онъ нашелъ позицію горы Трубецкаго весьма сильною, но Турки даже не осмѣлились безпокоить его.

Генералы князь Лобановъ и Глинка только-что прибыли сюда. Рапорты перваго о чумѣ были, вообще, удовлетворительны; завтра онъ ѣдетъ въ Сизополь. Зараза, благодаря Богу, кончается повсемѣстно.

Подносл при семъ ключи отъ Адріанополя, черезъ фельдъегеря, который, согласно съ принятымъ порядкомъ, передастъ другому въ карантинѣ, я отправлю днемъ позже моего адъютанта, графа Толстаго, со знаменами морскимъ путемъ черезъ Одессу [1].

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—9-го августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ то время, какъ я описывалъ еще въ моемъ письмѣ событія войны, я получилъ одно оффиціальное письмо, а другое частное отъ генерала Мюффлинга черезъ поручика Прусскаго генеральнаго штаба Клера и письмо отъ лорда Гордона и графа Гильемино. Въ нихъ сообщаютъ мнѣ рѣшеніе Порты прислать полномочныхъ съ предложеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ нота графа Нессельроде; но опущены два главныхъ пункта, а именно: вознагражденіе правительства, о которомъ они даже вовсе не упоминаютъ, и пострадавшей торговли; относительно этаго они предлагаютъ снестись послѣ съ Константинополемъ.

Такъ какъ я долженъ тщательно перечитывать эти депеши и въ особенности сообразить хорошенько отвѣтъ, и къ тому же Фонтонъ къ несчастью болѣнъ, равно какъ и двѣ трети моей главной квартиры, то, нежелая задерживать курьера, и безъ того промедлившаго уже цѣлые сутки, я отправлю съ фельдъегеремъ всѣ эти бумаги и мой отвѣтъ къ графу Нессельроде черезъ два, или самое большое, черезъ три дня. Но считаю долгомъ прежде всего сказать Вашему Величеству, что, придерживаясь смысла данныхъ мнѣ инструкцій, буду, насколько возможно, самымъ вѣжливымъ образомъ избѣгать всякаго посторонняго вмѣшательства, несогласнаго съ приказаніями Вашего Императорскаго Величества. Я уже просилъ и снова буду просить, чтобы намъ прислали Турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ по всѣмъ пунктамъ, изложен-

[1] Во всѣхъ печатаемыхъ нынѣ письмахъ графа Дибича опущены заключительныя слова, съ небольшими варіантами нижеслѣдующаго содержанія: «Daignez, Sire, mettre aux pieds de sa Majesté l'Impératrice mes très humbles hommages et veuillez agréer les sentiments de la profonde reconnaissance et du fidèle attachement, avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Sire, de Votre Majesté Impériale, le très humble et très fidèle serviteur C-te I. Diebitch». *Н. Ш.*

лымъ въ нотѣ графа Нессельроде, и неуклонно буду слѣдовать инструкціямъ, если не получу новыхъ. Мнѣ было бы весьма желательно, чтобы наши уполномоченные прибыли какъ-можно скорѣе; я объ нихъ не имѣю ни какихъ свѣдѣній, за исключеніемъ того, что графъ Паленъ долженъ выѣхать изъ Одессы въ концѣ истекшаго мѣсяца. Фонтонъ, который заслуживаетъ полнаго довѣрія за его усердіе и искусство, достойныя величайшихъ похвалъ, будетъ руководить пока переговорами съ Турецкими уполномоченными, если только они. пріѣдутъ раньше. Рѣшительные переговоры, веденные на военный ладъ, представляются мнѣ все болѣе и болѣе вѣроятными, принимая во вниманіе, что Турецкой арміи между нами и Константинополемъ болѣе не существуетъ; что армія подъ Шумлою есть не что иное, какъ мѣстный гарнизонъ, недостаточный для обороны; что султанъ имѣетъ только 8 баталіоновъ въ Рамизъ-Чифликѣ; что Турки вездѣ высказываютъ недовольство султаномъ, а довольны поведеніемъ нашихъ войскъ; наконецъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что то же настроеніе господствуетъ и въ Константинополѣ.

Я только-что получилъ письмо изъ Тырнова отъ делегатовъ великаго визиря, которые объявляютъ себя уполномоченными для веденія мирныхъ переговоровъ; я приглашаю ихъ сюда и попрошу изложить ихъ полномочія.

Простите, Государь, если мое письмо относительно военныхъ дѣйствій будетъ написано рукою Чевкина, которому, слава Богу, гораздо лучше. Толь очень изнуренъ: по своему усердію, онъ не обратилъ вниманіе на свое крайнее утомленіе. Палену лучше, но онъ также еще очень слабъ. Они повергаютъ себя къ стопамъ Вашего Величества.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—13-го августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Отправляя графу Нессельроде отвѣты Константинопольскимъ дипломатамъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность изложить вамъ въ то же время мысли, которыя находятъ себѣ подтвержденіе въ медленности Порты и въ положеніи страны, занятой вашими побѣдоносными войсками. Вамъ судить, справедливы ли онѣ и соотвѣтствуютъ ли онѣ вашимъ видамъ. Но мое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что я зрѣло обдумалъ, прежде чѣмъ изложить ихъ вамъ. Третьяго дня, ночью, отправился поручикъ Клеръ, а нѣсколькими часами раньше—курьеръ, который долженъ сопровождать пословъ изъ Шумлы; послѣдніе находятся въ Тырновѣ и могутъ быть здѣсь черезъ 3 или 4 дня.

Резервы прибываютъ къ намъ совершенно здоровые, и тѣ, которые отправляли и провожали ихъ, заслуживаютъ величайшей похвалы. Фронтовая часть нѣсколько запущена, но въ массѣ все пойдетъ очень хорошо. Мы не потеряемъ напрасно время отдыха, ибо опытъ доказалъ, что ученія, лишенныя нѣкоторой доли требовательности, полезны въ санитарномъ отношеніи въ этомъ климатѣ. Невыносимые жары текущаго мѣсяца, ко-

торые, кажется, не думаютъ уменьшаться, породили много болѣзней; къ счастью, смертность еще не достигла большихъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе мы лишились недавно двухъ отличныхъ полковыхъ командировъ: Купфера—эрцгерцога Фердинанда полка и Атажева—Симбирскаго полка; также умеръ командиръ Копорскаго полка Шисновскій. Мы нашли здѣсь прекрасное помѣщеніе для госпиталя въ казармахъ, въ которыхъ кромѣ того помѣстились: вся пѣхота седьмаго корпуса, а именно, 4 полка 18-й дивизіи и егеря 19-й (которые находятся здѣсь). Людямъ хорошо и гораздо больше тѣни, чѣмъ въ лагеряхъ; вода превосходна, есть хорошія бани.

Извѣстія о чумѣ очень утѣшительны; единственный, находившійся въ подозрѣніи Камчатскій полкъ уже нѣсколько дней не имѣетъ ни однаго больнаго. Лобановъ отправился въ Сизополь, чтобы узнать, не остались ли слѣды чумы. Ея нѣтъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ Румеліи, занятыхъ нашими войсками.

Толь все еще слабъ; онъ и Паленъ, который совсѣмъ поправился, повергаютъ себя къ стопамъ В. И. В.

Дежурный генералъ Обручевъ заболѣлъ сильною лихорадкою, ему лучше, но она все-таки оторветъ его отъ работы на значительное время; я назначилъ исправляющимъ должность Данилевскаго [1].

Всеподданнѣйшая записка графа Дибича отъ 13-го августа 1829 изъ Адріанополя [2].

Графъ Нессельроде представитъ В. И. В. мои отвѣты на сообщенія Англійскаго и Французскаго посланниковъ и барона Мюффлинга. Я желалъ бы очень, чтобы отвѣты соотвѣтствовали общимъ взглядамъ кабинета В. И. В. На сколько могъ, я старался быть вѣрнымъ смыслу дан-

---

[1] Генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, извѣстнаго автора кампаніи 1812 года и другихъ военно-историческихъ сочиненій. *Н. Ш.*

[2] Записка графа Дибича отъ 13-го августа имѣетъ важное значеніе. Главнокомандующій предлагалъ въ ней императору Николаю, въ случаѣ третьей кампаніи противъ Турціи (веденіе которой онъ вовсе не признавалъ невозможнымъ), поднять Славянскія племена Балканскаго полуострова противъ своихъ поработителей и создать изъ нихъ сильныхъ организованныхъ союзниковъ для освобожденія Христіанскаго Востока.

Между тѣмъ доселѣ распространено мнѣніе, что если графу Дибичу не удалось бы запугать Турокъ и принудить ихъ къ подписанію мирнаго трактата, Русская армія, страшно разстроенная болѣзнями, представлявшая собою одинъ лишь призракъ, принуждена была бы отступить и при этомъ непремѣнно бы погибла. Даже такій авторитетъ въ военномъ дѣлѣ, какъ графъ Мольтке, высказываетъ въ своей исторіи Русско-Турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ мнѣніе, что стоило Блистательной Портѣ продолжить въ Адріанополѣ упорство еще на нѣсколько дней, и побѣда была бы вырвана изъ нашихъ рукъ.

Если бы положеніе Русскаго главнокомандующаго оказалось въ 1829 году въ дѣйствительности настолько безвыходнымъ, какимъ привыкли его считать наши западные недоброжелатели, то конечно графъ Дибичъ не могъ бы предлагать государю приступить къ приготовленіямъ для третьей кампаніи и хладнокровно обсуждать возможность непринятія Турками предложенныхъ имъ великодушныхъ мирныхъ условій. Въ заключеніе остается сказать одно: событія 1828 и 1829 годовъ еще пребываютъ въ ожиданіи правдиваго исторіографа. *Н. Ш.*

выхъ мнѣ инструкцій. Надѣюсь, что на этихъ дняхъ къ намъ пришлютъ Турецкихъ уполномоченныхъ, но прежде чѣмъ мы добьемся мира, предстоитъ еще много затрудненій, ибо Турки выходятъ изъ границъ своею медленностью и упорствомъ, и кромѣ того всѣ увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ.

Въ случаѣ, если Турки не пришлютъ уполномоченныхъ, или въ случаѣ чрезмѣрной медленности переговоровъ, нужно будетъ еще подвинуть наши войска. Я долженъ сознаться, Государь, что при этомъ могутъ возникнуть случайности, которыя я не дерзаю скрыть отъ В. И. В., и относительно которыхъ я долженъ испросить вашихъ августѣйшихъ намѣреній.

Болѣзни, распространяющіяся въ войскахъ и которыя нѣкоторое время увеличатся еще до значительной цифры, сдѣлаютъ то, что пѣхотную дивизію возможно будетъ считать только въ 5,000 чел., включая сюда и резервы, что составитъ по ту сторону Балканъ 35,000 штыковъ; изъ нихъ слѣдуетъ вычесть 10,000 для гарнизоновъ въ портахъ и крѣпостяхъ; остается затѣмъ 25,000 человѣкъ, которыхъ совершенно достаточно, чтобы дойти до Константинополя, ибо Турецкой арміи болѣе не существуетъ. Но количество это слишкомъ недостаточно, чтобы предпринять какія-либо операціи противъ города, насчитывающаго 600,000 мусульманскаго населенія, или чтобы овладѣть Европейскими замками на Босфорѣ. Можетъ случиться и такое благопріятное обстоятельство, что приближеніе нашихъ войскъ возбудитъ народъ противъ правительства и тѣмъ самымъ предоставитъ намъ городъ. Но вѣдь нельзя ни въ какомъ случаѣ разсчитывать на такіе случайные факты. Если же случится наоборотъ, то тутъ всего лучше могъ бы служить проэктъ, который я уже представилъ изъ Айдоса В. И. В.,а именно—занять съ главными силами арміи Люле-Бургасъ и Силиврію, получая продовольствіе изъ Мидіи, и съ отдѣльнымъ сильнымъ отрядомъ овладѣть Галлиполи и Дарданеллами, совмѣстно съ нашимъ Средиземнымъ флотомъ. Во всякомъ случаѣ послѣ этихъ операцій мы будемъ вынуждены занять зимнія квартиры въ Румеліи и тѣмъ самымъ начать третью кампанію. Но, по моему убѣжденію, эта кампанія должна необходимымъ образомъ повести за собою важныя перемѣны во взглядахъ Европейской политики на Турцію; тогда наши военныя дѣйствія непремѣнно начнутся атакою Константинополя, и взятіе столицы послужитъ знакомъ паденія Оттоманской имперіи.

Судя по великодушію, которое В. И. В. не перестаете оказывать Турціи, и принимая во вниманіе откровенность и честность во всѣхъ нашихъ поступкахъ, которымъ должна удивляться Европа, не смотря на зависть, возбужденную успѣхами вашего оружія,—мнѣ кажется, Государь, что наши дипломаты должны отнынѣ положить предѣлъ этому великодушію, если будетъ продолжаться упорство султана. Такимъ предѣломъ, полагаю я, долженъ быть отказъ Порты принять предложенныя



В. П. В. мирныя условія. Подобный образъ дѣйствій въ то время, когда наши знамена развѣваются на стѣнахъ Эрзерума и Адріанополя, могъ бы ясно доказать, что султанъ желаетъ продолжать борьбу,— исходъ которой не можетъ быть сомнителенъ,—единственно въ той надеждѣ, что его упорство не можетъ принести ему ни какихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря великодушію, которое такъ сказать напередъ обезпечиваетъ за нимъ неприкосновенность его владѣній, и спасетъ можетъ быть отъ справедливой уплаты вознагражденій, упорно прикрываясь крайностью, вызванною мнимою нищетою.

Я не думаю, чтобы вышеупомянутое измѣненіе въ политикѣ, которое явилось бы только прямымъ слѣдствіемъ продолжающагося донынѣ слѣпаго упорства султана, могло быть заподозрѣно иностранными государствами. Я полагаю даже, что уничтоженіе Оттоманской имперіи въ Европѣ нисколько не устрашитъ ихъ, если В. В. въ то же самое время торжественно объявите имъ, что удержите за собою только нѣсколько пунктовъ, необходимыхъ для поддержанія спокойствія въ вашихъ земляхъ, напримѣръ, Анапу, Поти и Ахалцихъ, съ тѣмъ однако, что военныя издержки, простирающіяся отъ 10 до 15 милл. дукатовъ, будутъ выплачены намъ въ короткіе промежутки, подъ гарантіею Европейскихъ державъ, новыми государствами, образованными на территоріи Европейской Турціи, или путемъ какого-либо другаго соглашенія. Мы могли бы также замѣнить денежное вознагражденіе Молдавіею и Валахіею и частью Болгаріи отъ Дуная и моря до Варны и Силистріи. Двѣ трети жителей Европейской Турціи христіане; поэтому не трудно бы было раздѣлить ихъ на три или на четыре государства, достаточно сильныхъ для самозащиты, подъ гарантіею Европы, и въ то же время слишкомъ слабыхъ, чтобы возбудить опасенія какой-либо изъ великихъ державъ.

В. В. уполномочили меня вооружить Болгаръ, а Сербамъ дать сигналъ къ дѣйствію. Исполняя въ точности ваши повелѣнія, я полагаю, Государь, ограничиться пока однимъ частнымъ вооруженіемъ Болгаръ, необходимымъ для ихъ личной безопасности; а что касается до того, чтобы всецѣло выполнить предписанную мѣру, то я полагаю, что я обязанъ подождать, пока еще остается надежда на мирные переговоры, ибо возстаніе Сербовъ и Болгаръ причинитъ много затрудненій въ переговорахъ съ Портою и въ будущемъ безпредѣльно ухудшитъ участь Сербовъ, въ особенности же Болгаръ. Если же однако слѣпое упорство султана принудитъ насъ начать новую кампанію, тогда будетъ столь же необходимо, сколько полезно, побудить Сербовъ и Болгаръ дѣйствовать сообразно съ нашими видами. Но чтобы выполнить съ успѣхомъ эту рѣшительную мѣру, необходимо, чтобы эти народы получили надежду невозвратиться вновь подъ иго Оттоманское. Увѣренность эту необходимо поддержать даже въ отношеніи къ Туркамъ тѣхъ провинцій, которыя мы занимаемъ, потомучто при отсутствіи подобнаго убѣжденія наши зимнія квартиры будутъ лишены безопасности.

Поэтому я осмѣлился, Государь, выразить вамъ мои мысли съ безграничною откровенностью, къ чему обязываютъ меня ваши приказанія и милости. Еще разъ повторяю, что мои предположенія примѣнимы лишь въ томъ случаѣ, если Порта откажется отъ почетнаго мира, предложеннаго ей В. И. В.; въ противномъ случаѣ, искренняя и безпредѣльная преданность заставитъ меня конечно предпочесть какъ самую священную изъ моихъ обязанностей—строгое соблюденіе вашихъ великодушныхъ обѣщаній. Но я не могу не повторить высказаннаго мною глубокаго убѣжденія, что это великодушіе должно имѣть опредѣленныя справедливыя границы, если вмѣсто благодарности Порта броситъ намъ перчатку для смертельной борьбы.

По моему мнѣнію можно дѣйствовать двумя способами, въ случаѣ если Турція отвергнетъ миръ:

1) Въ первыхъ числахъ сентября начать наступательное движеніе до Сарая и Чорлу и отдѣлить оттуда для Дарданеллъ войска; въ то же время стараться овладѣть всѣмъ, чѣмъ только можно, на Дунаѣ и взять Шумлу. Если эти операціи не окажутъ вліянія на заключеніе мира, то расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Румеліи и готовиться къ третьей кампаніи.

2) Объявить во всеуслышаніе, что съ Портою нельзя больше вести переговоровъ; двинуть прямо въ Сербію двѣ бригады пѣхоты генерала Киселева, чтобы, соединившись съ Сербами, идти на Виддинъ и другіе пункты этой страны; оставить передъ Журжей необходимое число войскъ и приказать генералу Киселеву двинуться съ остатками на Софію, чтобы овладѣть ею; въ то же время подвигаться съ главными силами къ Константинополю, гдѣ наши рѣшительныя движенія могутъ вразумить жителей, чтобы они съ помощью мятежа принудили къ миру правительство; не предпринимать ни малѣйшихъ операцій противъ города, отдѣлить корпусъ для занятія Дарданеллъ; вооружить повсемѣстно Румелійскихъ Болгаръ и съ помощью особаго отряда соединиться съ генераломъ Киселевымъ черезъ Филиппополь; наконецъ готовиться зимою къ новой кампаніи и заняться полнымъ вооруженіемъ Болгаръ и Сербовъ, чтобы въ началѣ весны можно было предпринять военныя дѣйствія и совершенно окончить покореніе Европейской Турціи.

Для исполненія каждаго изъ этихъ проэктовъ необходимо, чтобы указанія В. И. В. были бы мнѣ извѣстны ранѣе половины сентября, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ времени для ихъ выполненія. Кромѣ того, такъ какъ опытъ показалъ, что численность пѣхотной дивизіи къ веснѣ не превзойдетъ 5000 человѣкъ, то оба проэкта требуютъ, чтобы къ началу весны, по ту сторону Балканъ, находились всѣ войска, составляющія теперь вторую армію. Нужно, или чтобы резервные батальоны 6-го и 7-го корпусовъ съ 4-ю гусарскою дивизіею заняли княжества и Болгарію, чтобы освободить войска, находящіяся подъ начальствомъ генераловъ Киселева и Красовскаго, или чтобы Ваше Вели-

чество приказали двинуться двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ Литовскаго корпуса, или же (что было бы даже еще лучше по моему мнѣнію)—одну пѣхотную дивизію этаго корпуса, а другую изъ Польской арміи: это возбудитъ братскія отношенія между войсками обѣихъ націй, по примѣру превосходныхъ Польскихъ офицеровъ, которые находятся уже у насъ и признаны всѣми достойными братьями нашими по оружію.

Съ такими силами можно поручиться за окончательное покореніе Европейской Турціи до истеченія будущаго лѣта и подчиненіе ея тѣмъ новымъ правительствамъ, которыя В. В. желали бы учредить. Боснія и Албанія только могутъ служить исключеніемъ. Но я полагаю, что Австрія и Англія или Франція охотно возьмутъ на себя ихъ покореніе, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя права на ихъ организацію, или на какое-либо вознагражденіе, смотря по тѣмъ предположеніямъ, которыя представятъ имъ.

Части Черноморскаго флота съ корпусомъ войскъ, расположеннымъ гарнизонами въ фортахъ Дарданеллъ и Босфора (которые могутъ быть срыты спустя нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира), будетъ достаточно для защиты вновь устроенныхъ государствъ противъ нападеній Турокъ. Впрочемъ, послѣдніе, удаленные въ Азію, будучи угрожаемы изъ Эрзерума въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній, конечно будутъ склонны къ миру, особенно, послѣ того, какъ они убѣдятся, что безвозвратно потеряли свои владѣнія въ Европѣ и даже остались безъ союзниковъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—17-го августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Вчера я получилъ письмо В. В. отъ 4-го августа, которымъ Вы осчастливили меня. Не нахожу словъ, Государь, выразить мою глубочайшую признательность за всѣ выраженія монаршей милости, которыми оно преисполнено. Я вполнѣ счастливъ, что Богъ благословилъ усиленные труды и усердіе всѣхъ моихъ доблестныхъ и достойныхъ сослуживцевъ, пользоваться которыми въ отношеніи къ нимъ составляло для меня пріятный долгъ. События этой войны оправдали вѣру мою въ доблести арміи, съ которою познакомилъ меня почти 30 лѣтній опытъ и участіе болѣе нежели въ 100 сраженіяхъ. Эта надежда не была иллюзіею и не происходила отъ чрезмѣрно пылкаго довѣрія, которое, слава Богу, никогда не заставляло меня терять изъ виду соображенія, основанныя на разсчетѣ.

В. В., связавъ мою фамилію съ воспоминаніями доблестныхъ подвиговъ храбрецовъ, которыхъ вы ввѣрили моему начальству, равно какъ и имя мое съ полкомъ, который имѣлъ счастіе доказать, что онъ не былъ недостоинъ царскихъ щедротъ—удостоили меня выраженіемъ вашего августѣйшаго благоволенія, что составляетъ самую драгоцѣнную награду для человѣка, безпредѣльно преданнаго своему Государю. По-

вергаю къ стопамъ В. В. слабыя выраженія моей глубочайшей благодарности также и за награды, пожалованныя моимъ достойнымъ помощникамъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы фельдъегерь, который везъ милости В. В. прибылъ одновременно съ уполномоченными, присланными султаномъ для заключенія мира. Возможныя только о переговорахъ подробности я излагаю во второмъ письмѣ, писанномъ рукою Чевкина, чтобы не задержать отправку фельдъегеря, ибо весь день наполненъ у меня дѣлами, для которыхъ недостаетъ необходимаго навыка и которымъ я долженъ однако посвятить все мое вниманіе, не смотря на полное довѣріе къ Фонтону.

Толь припадаетъ къ стопамъ В. И. В.; ему лучше, но если заключатъ миръ, онъ желалъ бы какъ можно скорѣе возвратиться къ своему семейству; не смотря на лишеніе, которое причинитъ мнѣ его отсутствіе, я не могу отказать себѣ просить В. И. В. снизойти къ справедливой просьбѣ полезнаго и вѣрнаго слуги, цѣну котораго я чувствую еще болѣе, равно какъ и дружбу, основанную на одинаковыхъ воззрѣніяхъ.

Паленъ долженъ быть сегодня въ Киркилиссѣ; но я остановлю движеніе его въ Визѣ, если замѣчу успѣхъ переговоровъ. Я отложу на нѣсколько дней посылку отряда на Эносъ, чтобы имѣть возможность сообщить что-нибудь болѣе опредѣленное графу Гейдену, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ еще получить депеши отъ графа Нессельроде.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—17-го августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Имѣю счастіе донести В. И. В. о пріѣздѣ Турецкихъ уполномоченныхъ, присланныхъ въ Адріанополь прямо отъ имени султана. Это—два сановника: Мехмедъ-Садикъ-эфенди, дефтердаръ или министръ финансовъ, и Абдулъ-Кадиръ-бей (изъ корпуса улемовъ), кази-аскеръ Анатолійскій, занимающій самый важный постъ послѣ великаго муфтія. Уполномоченныхъ провожалъ Прусскій майоръ Кистеръ, тотъ самый, который былъ въ Петербургѣ: онъ привезъ мнѣ письмо отъ генерала Мюффлинга, который увѣдомляетъ, что г. Кистеръ можетъ сообщить мнѣ нѣкоторыя интересныя подробности, такъ какъ онъ вмѣстѣ со Французскимъ и Англійскимъ посланниками присутствовалъ на конференціи Дивана. Въ то же время я получилъ черезъ него сообщеніе отъ посланниковъ, которые, извѣщая меня объ отправленіи уполномоченныхъ, вполнѣ надѣются, кажется, на успѣшный исходъ мирныхъ переговоровъ. Копія съ этаго письма будетъ представлена В. В. черезъ графа Нессельроде, которому я его посылаю.

Майоръ разсказывалъ мнѣ, что Турки, встревоженные извѣстіемъ, что ихъ переговоры не были приняты генераломъ Красовскимъ, а еще болѣе взятіемъ Адріанополя, обратились ко Французскому и Англійскому

посланникамъ и къ генералу Мюффлингу съ просьбою присутствовать на засѣданіяхъ Дивана. Баронъ Мюффлингъ за болѣзнью послалъ вмѣсто себя г. Кистера. Турки, сознавая свое пораженіе и необходимость заключенія мира, просили посланниковъ присутствовать на ихъ совѣтѣ; ихъ обязали прежде всего отправить немедленно уполномоченныхъ, и такъ какъ они заговорили о мирныхъ условіяхъ и обнаружили даже намѣреніе возобновить предложенія, заявленныя ими ранѣе, то имъ сказали, что слѣдовало бы однако обсудить вопросъ о вознагражденіи и подчиниться. Имъ, кажется, совѣтовали положиться на великодушіе В. В. относительно этаго пункта, что довольно ловко со стороны иностранныхъ посланниковъ, но повліяетъ весьма мало на мой образъ дѣйствій.

Г. Кистеръ, разговоривая со мною о земляхъ, которыя бы мы желали получить въ Азіи, сказалъ мнѣ, что въ случаѣ, если мы пожелаемъ Ахалцихъ, то это можетъ повести за собою большія затрудненія, потомучто Турки дорожатъ этими владѣніями, на которыя они смотрятъ, какъ на одно изъ самыхъ древнихъ своихъ наслѣдій и какъ на ключъ своихъ владѣній въ Азіи. Г. Кистеръ прибавилъ, что и Англичане будутъ съ завистью смотрѣть на это пріобрѣтеніе, что сэръ Гордонъ даже сказалъ, что наше требованіе Ахалциха выходитъ изъ границъ великодушія, которое предполагали со стороны В. В. и въ которомъ были убѣждены, ибо эта крѣпость служила бы для нашихъ наступательныхъ дѣйствій, и занятіе ея указывало бы на предположенія о территоріальномъ увеличеніи въ будущемъ. Я отвѣчалъ, что не могу сообщить данныхъ мнѣ инструкцій; но если бы мы на самомъ дѣлѣ просили уступки Ахалциха, то единственно съ цѣлью упрочить миръ тѣмъ, что мы лишимъ Турокъ всякаго сообщенія съ Кавказскими горцами; что наконецъ я не позволю себѣ стѣсняться чьими бы то ни было мнѣніями, а что напротивъ того, я буду строго исполнять данныя мнѣ инструкціи, какъ подобаетъ вѣрному и исправному воину. Г. Кистеръ согласился во всемъ, что я говорилъ ему, но въ то же время онъ высказалъ мысль, что можетъ быть мы можемъ удовольствоваться срытіемъ Ахалциха, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній. Я возразилъ ему, что я незнакомъ въ достаточной степени съ мѣстностью, чтобы судить объ этомъ, что наконецъ это можетъ быть рѣшено только В. В. Тогда майоръ обратился къ предмету, какъ кажется самому важному въ его миссіи, а именно: сколь возможно скорѣе поспѣшить съ заключеніемъ мира, даже въ 2 или 3 дня, если можно, и затѣмъ просилъ меня неподвигать мои войска слишкомъ близко къ Константинополю, потомучто наступленіе въ этомъ направленіи можетъ повести къ революціи, и заставляетъ опасаться паденія султана и имперіи. Я сказалъ ему, что считаю возможнымъ остановить движеніе, направленное уже нѣсколько дней къ Люле-Бургасу, но, если я замѣчу малѣйшее колебаніе въ уполномоченныхъ, я двинусь рѣшительно впередъ, и тогда послѣдствія будутъ въ рукахъ Божіихъ и не подлежатъ моей отвѣтственности. Я прибавилъ, что ходъ перегово-

ровъ, конечно, не будетъ замедленъ мною, что я, напротивъ, буду стараться ускорить ихъ, доказательствомъ чего служитъ то, что я, недожидаясь пріѣзда двухъ уполномоченныхъ, назначенныхъ В. И. В., временно назначилъ самъ начальника 18-й дивизіи князя Горчакова (Старшаго) и Фонтона, чтобы открыть засѣданія до пріѣзда графовъ Палена и Орлова. Чевкина я выбралъ для веденія протоколовъ.

Сегодня я далъ аудіенцію Турецкимъ уполномоченнымъ, изъ которыхъ главный —дефтердаръ—кажется, человѣкъ умный. Свиданіе наше было весьма дружественное; они сознаютъ великодушіе В. И. В. и, кажется, самъ султанъ вѣритъ въ него и хочетъ измѣнить неумѣстный образъ дѣйствій Порты послѣ предложеній, сдѣланныхъ въ Шумлѣ, вызванный недоразумѣніями между подчиненными. Дефтердаръ и кази-аскеръ—оба имѣютъ полномочія отъ самого султана, и Кистеръ говоритъ, что въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Рейсомъ-эфенди, онъ видѣлъ одинъ пунктъ, уполномочивающій ихъ уступить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Въ такомъ случаѣ можно разсчитывать на ускоренный ходъ переговоровъ; но я не хочу еще предаваться слишкомъ смѣлымъ надеждамъ. Во всякомъ случаѣ весьма много вѣроятія, что мы заключимъ прочный и славный миръ. Надѣюсь, что черезъ четыре или пять дней я буду въ состояніи сообщить В. И. В. болѣе точныя данныя относительно хода переговоровъ, которые начнутся завтра.

Сегодня я узналъ о пріѣздѣ въ Бургасъ графа Ѳ. Палена; надѣюсь, что онъ скоро будетъ здѣсь.

Адмиралъ Грейгъ занялъ Инаду, гдѣ нашелъ 30 пушекъ, и Самаково, въ которомъ онъ занятъ разрушеніемъ литейныхъ мастерскихъ. Я очень счастливъ, что, давая такое указаніе флоту, я предупредилъ намѣренія В. И. В., изложенныя въ послѣднемъ письмѣ.

Я велѣлъ полковнику Хомутову съ дивизіономъ улановъ привезти сюда три бронзовыя пушки, находившіяся въ Демотикѣ, жители которой сами предложили сложить оружіе, если имъ пришлютъ Русскій гарнизонъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ я не хочу вовсе разбрасывать мои силы, то я отвѣтилъ имъ, что они до тѣхъ поръ могутъ сохранить оружіе, пока я не назначу Русскаго коменданта.

Всеподданнѣйшая записка графа Дибича.

Адріанополь.—24-го августа 1829.

Въ послѣднемъ письмѣ я имѣлъ счастіе донести В. И. В. о пріѣздѣ Турецкихъ уполномоченныхъ, отправленныхъ прямо изъ Константинополя султаномъ для заключенія мира; я сообщилъ также В. В., что султанъ снабдилъ пословъ обширными полномочіями, и что они обнаруживали желаніе спѣшить, на сколько возможно, заключеніемъ мира. Желаніе, вполнѣ соотвѣтствующее нашимъ собственнымъ намѣреніямъ. Я счелъ долгомъ во избѣжаніе потери времени дать имъ немедленно аудіенцію, и затѣмъ открыть конференцію, а за отсутствіемъ графовъ Орлова и

Палена (о пріѣздѣ которыхъ я не имѣлъ еще никакихъ данныхъ), назначить князя Горчакова 2 и Фонтона, какъ моихъ делегатовъ, и Чевкина для составленія протоколовъ. На аудіенціи, лишенной всякаго излишняго этикета, я поставилъ себѣ задачею выяснить имъ: какъ сильно желаніе мира было постоянно поддерживаемо В. В.; сколько разъ были даны въ этомъ смыслѣ неоспоримыя доказательства, такъ-что даже въ настоящее время я остановилъ движеніе нашихъ войскъ; какъ велика умѣренность условій,предлагаемыхъ нынѣ Портѣ при обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ; если настоящее положеніе Порты затруднительно, то въ этомъ она можетъ винить только саму себя, потомучто она отклонила, такъ сказать, неприличнымъ образомъ сближеніе, которое было предложено ей послѣ Кулевчи; что, наконецъ, султанъ, казалось, начиналъ убѣждаться въ великодушныхъ намѣреніяхъ В. В., что послѣдующія событія несомнѣнно укрѣпятъ въ немъ это мнѣніе и докажутъ ему, что онъ не найдетъ лучшаго и болѣе искренняго союзника, чѣмъ В. В. Затѣмъ я выяснилъ вкратцѣ главные пункты нашихъ предложеній, съ которыми, кажется, Турки согласились, за исключеніемъ статьи по вознагражденіямъ. Этою статьею дефтердаръ, который со стороны Турокъ одинъ поддерживалъ пренія, казалось, былъ приведенъ въ недоумѣніе и молчалъ, обдумывая вѣроятно свой отвѣтъ, между тѣмъ какъ кази-аскеръ, заговоривъ въ первый и послѣдній разъ, возразилъ, что при помощи Божіей все устроится къ лучшему. Разстались весьма любезно, и Турки остались въ восхищеніи отъ учиненнаго имъ пріема.

Я велѣлъ немедленно приготовить проэктъ трактата и представить Турецкимъ уполномоченнымъ, чтобы они могли ознакомиться съ нимъ и предварительно разсмотрѣть его до открытія конференціи. Я велѣлъ помѣстить въ проэктѣ maximum нашихъ требованій, за исключеніемъ статьи, относящейся къ Азіатскимъ пашалыкамъ, согласованной съ нотою графа Нессельроде отъ 18-го іюля, а именно: въ ней требовалась уступка Ахалциха, Ахалкалаки и Ацхера, неупоминая о пашалыкѣ. Цифра вознагражденія за ущербы торговли была рѣшительно опредѣлена въ $1^{1}/_{2}$ милл. Голландскихъ дукатовъ, а военныя издержки въ 10 милліоновъ.

Я пригласилъ къ себѣ уполномоченныхъ, чтобы лично передать имъ проэктъ трактата и такимъ образомъ начать переговоры. Они поблагодарили меня за ускореніе дѣла, но совершенно справедливо пожелали у себя познакомиться съ проэктомъ, простились и, казалось, продолжали быть въ восторгѣ.

Въ это время пріѣхалъ сначала графъ Паленъ, а въ слѣдующую ночь (20-го августа) графъ Орловъ съ канцеляріею. Съ тѣхъ поръ стало возможно вести переговоры при помощи лицъ, непосредственно назначенныхъ для этаго дѣла. Я отозвалъ немедленно князя Горчакова и Фонтона, какъ делегатовъ, и Чевкина отъ веденія протокола, тѣмъ болѣе, что онъ заболѣлъ накапунѣ. 21-го числа я подписалъ полномочія гра-

фовъ Орлова и Палена, и въ тотъ же день произошла первая конференція.

Подробности ея изложены въ протоколахъ; здѣсь же я представлю вкратцѣ только тѣ пункты, которые послужили предметомъ споровъ. Нейтралитетъ островов при устьяхъ Дуная — пунктъ, столь незначащій, сравнительно съ важностью другихъ, возбудилъ живѣйшіе споры, вѣроятно, вслѣдствіе незнакомства Турокъ съ мѣстностью. Наконецъ, перешли къ другимъ статьямъ, и предложенія относительно Молдавіи и Валахіи утверждены. Равнымъ образомъ невозникло ни какихъ затрудненій относительно пунктовъ, требуемыхъ нами въ Азіи. Что касается до княжествъ, то Турки, кажется, не смотрятъ болѣе на нихъ какъ на свое достояніе и безъ всякаго затрудненія согласились бы на полную уступку ихъ. Относительно статей, касающихся торговли и условленныхъ за нее вознагражденій, пришли также къ соглашенію. Наконецъ, дошли до главной статьи — о военныхъ издержкахъ. Турки замѣтили, что они не могутъ представить себѣ въ воображеніи ни какой большой платы, ни возможности ея уплаты, вслѣдствіе крайней бѣдности и финансоваго разстройства Порты, извѣстнаго всему свѣту, такъ какъ она уже нѣсколько лѣтъ лишена своихъ главныхъ доходовъ. Имъ отвѣчали, что это обязательство, какъ бы оно трудно ни было, должно быть выполнено, чтобы вознаградить Россію за убытки, понесенные въ войнѣ, противной ея мирнымъ намѣреніямъ, что можно прибѣгнуть къ какому-нибудь соглашенію для облегченія этаго бремени, которое позволило бы разсрочить этотъ платежъ на нѣсколько лѣтъ. Засѣданіе этимъ окончилось.

22-го числа послѣ обѣда было второе засѣданіе. Не возвращались ни къ одному изъ предшествовавшихъ вопросовъ, на которые Турки, казалось, согласились. Пренія начались собственно съ вопроса о военномъ вознагражденіи. Турки возобновили свои вчерашніе доводы, говоря, что они не знаютъ, какъ разрѣшить эту задачу, и находятся внѣ всякой возможности принять её. Тогда имъ замѣтили, что они имѣютъ неограниченныя полномочія. Они отвѣчали, что снабжены достаточными полномочіями, но, говоря по совѣсти, не могутъ утвердить статью, которую, по ихъ убѣжденію, султанъ не въ состояніи выполнить; что они просятъ позволеніе довести объ этомъ до свѣдѣнія своего повелителя, причемъ необходима десяти-дневная отсрочка для полученія отвѣта. (Ихъ курьеръ уѣхалъ 23-го). Имъ снова возразили, что согласіе на уплату вознагражденій составляетъ необходимую принадлежность мира; но чтобы облегчить тягость этаго требованія, можно разложить уплату на ровныя части, даже срокомъ на 10 лѣтъ; гарантіею же для выполненія платежа будетъ служить занятіе Силистріи и двухъ княжествъ, доходы съ которыхъ будутъ служить процентами съ уплачиваемой суммы. Турки стали опять, какъ выше упомянуто, просить позволенія снестить съ султаномъ, и въ то же время предложили полную уступку нѣкоторыхъ частей

территоріи, равную части, или цѣлому требуемому вознагражденію. Я немедленно отвѣтилъ имъ, что я не имѣю ни какихъ приказаній отъ В. В. на принятіе какой-либо территоріи, за исключеніемъ небольшихъ участковъ перечисленныхъ въ трактатѣ; что я ничего не могу рѣшить одинъ, и въ такомъ случаѣ долженъ спросить приказаній В. В.; что во всякомъ случаѣ сдѣланное ими предложеніе можетъ быть принято мною только во вниманіе, на сколько оно исходило бы отъ султана, который по собственному почину принялъ бы на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ; что эта формальность необходима, такъ какъ В. И. В. объявили всенародно, что отказываетесь отъ всякаго территоріальнаго увеличенія своей обширной имперіи. Объ этомъ предметѣ Турки также просили извѣстить султана, и засѣданіе окончилось.

23-го конференціи не было. Но такъ какъ послѣ разрѣшенія Туркамъ десяти-дневнаго срока для отправленія курьера къ султану, имъ было замѣчено, что наступленіе нашихъ войскъ впродолженіе этаго времени должно продолжаться, и уже продолжается, то они поспѣшили просить меня прекратить это движеніе, пока не придетъ отвѣтъ отъ султана, котораго конечно будутъ торопить всѣми силами. Я настоивалъ на своемъ и отказалъ имъ, замѣтивъ однако, что такъ какъ я не желаю возмутить покой столицы, пока наши переговоры идутъ успѣшно, то я обѣщаю имъ, что до полученія отвѣта отъ султана я не произведу наступленія на Константинополь, далѣе Силивріи. Турки съ признательностью приняли это обѣщаніе.

Императоръ Николай—графу Дибичу [1].

Царское село.—28-го августа 1829.

Послѣ 17-ти тревожныхъ дней я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адріанополя. Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ нашъ за сію новую милость. Вы же примите мою живѣйшую и искреннюю признательность за блестящій и прочный результатъ, полученный превосходными вашими распоряженіями и вслѣдствіе точнаго ихъ исполненія. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи, и оно прославитъ наши

Après 17 jours d'inquiétude j'ai reçu hier, cher ami, votre excellente lettre du 9 d'Adrianople! Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette nouvelle grâce et recevez toute ma vive et sincère reconnaissance pour le résultat brillant et solide obtenu par vos excellentes dispositions et par suite de l'éxécution parfaite qui y fut apportée. Votre nom, cher ami, appartient désormais à jamais à l'histoire et il illustrera les fastes de notre armée. J'approuve en tout point vos mesures; mais j'insiste

---

[1] Письмо это было напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1877 года (V книга) въ статьѣ «1829 годъ». *П. Ш.*

военныя лѣтописи. Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ мѣропріятія ваши; но настоиваю на томъ, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили корпусъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть въ увѣренности, что «незванные гости» не явятся тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы такъ и поступили бы при малѣйшемъ къ тому поводѣ, судя по самому смыслу вашего письма и по мнѣнію, вами выраженному о новостяхъ, сообщенныхъ вамъ всѣми посланниками въ Константинополѣ. Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если будутъ къ тому понуждать—вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ!

Какъ нельзя лучше вы обсудили полученныя вами депеши и предусмотрѣли мои отвѣты; впрочемъ, Орловъ доставилъ вамъ все [2], чего еще недоставало къ вашимъ инструкціямъ.

Надѣюсь, что резервы немножко поприбавили вамъ силъ, противу бывшихъ у васъ въ Адріанополѣ 8-го числа; ибо сверхъ послѣднихъ у васъ не было и трехъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ кавалерійскихъ бригадъ; поэтому разсчитываю, что въ общей сложности у васъ наберется до 50,000 человѣкъ. Бѣдственно то, что васъ преслѣдуютъ болѣзни; лишь бы чума не примѣшалась къ нимъ.

---

pour qu'au cas que les négociations soient rompues, vous poussiez un corps vers les Dardanelles, pour être sur que des незванные гости ne s'y présentent pour se meler et gâter nos affaires. Au reste je suis persuadé que vous l'aurez fait pour peu que cela soit le cas, d'après le sens même de votre lettre et du jugement que vous porterez sur les nouvelles qui vous sont communiquées par les ambassadeurs à Constantinople. Enfin si vous en êtes aux Dardanelles, vous refuserez positivement le passage à toute autre flotte qu'à la notre. Et si l'on forçait, vous repondrez par des coups de canon. Mais que Dieu nous en préserve.

Vous avez parfaitement jugé les depêches que vous avez reçu et vous avez prévu mes réponses; au reste Orloff vous aura porté tout ce qui pourrait encore manquer à vos instructions.

J'espère que les réserves vous auront porté à un peu plus de forces que vous n'en avez eu à Adrianople le 8; car outre celles là vous n'y aviez pas trois de vos divisions d'infanterie et deux brigades de cavalerie: j'estime donc que le tout vous portera pour le moins à 50,000 hommes. Il est désastreux que les maladies vous poursuivent; pourvu que la peste ne s'en mêle.

---

[2] Въ подлинникѣ это слово подчеркнуто три раза. *Н. Ш.*

Ничего не понимаю въ Гейсмарѣ и надѣюсь, что Киселевъ поправитъ дѣла. Вижу, что вы не имѣли вѣстей о насъ; въ эти дни мы были въ большомъ безпокойствѣ, ибо съ 11-го числа не получали новостей изъ арміи, и послѣднее донесеніе изъ Сливны было доставлено къ намъ въ девять дней; эта проволочка превзошла всѣ разсчеты и все-таки я въ ней ничего понять не могу; и опять же черезъ Одессу до насъ дошли первые слухи о занятіи Адріанополя.

Еще слово о Греческомъ дѣлѣ. Какое рѣшеніе ни было бы принято посланниками въ Константинополѣ, ни на какую иную границу кромѣ Арты и Воло я не соглашаюсь; надѣюсь, что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то Французы меня поддержатъ; а если даже нѣтъ, я стою на своемъ. Мы въ правѣ не нарушать нашего слова, и положеніе наше таково, что мы можемъ, наконецъ, сказать—«я такъ хочу», благодаря успѣхамъ вашимъ—въ Европѣ, успѣхамъ Паскевича—въ Азіи. На случай возможности мира, полагаю оставить, если это допущено будетъ условіями, 8 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій для занятія областей, которыя мы должны удержать, какъ залогъ гарантій, а именно: изъ 9-й, 10-й, 11-й и 12-й дивизій сформировать впредь 3-й корпусъ подъ начальствомъ Красовскаго или Ридигера, по вашему выбору, а изъ 16-й, 17-й, 18-й и 19-й будущій 5-й корпусъ подъ командою Рота, съ 3-ю гусарскою, 4-ю уланскою и 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ. 12-ю дивизію можно было бы назначить въ мѣстности по ту сторону Бургаса,

---

Je n'en comprend rien à Geismar, et j'espère que Kissélef remettra les choses. Je vois que vous manquiez de nos nouvelles; nous avons été bien inquiets ces jours-ci, car depuis le 11 nous n'avions pas reçu de nouvelles de l'armée et le dernier paquet nous étant parvenu de Selimno en neuf jours, ce retard passait tous les calculs et encore je ne puis rien y comprendre, et c'est encore par Odessa que nous avons eu les premiers bruits sur l'occupation d'Adrianople.

Un mot encore sur l'affaire Grecque; telle détermination qu'ayant pris les ambassadeurs à Constantinople, je ne consens à aucune autre limite qu'Arta et Wolo; je me flatte que quand l'on le saura à Paris les Français me soutiendront; mais quand même j'y reste. Nous sommes en droit de ne pas fausser notre parole et notre situation est telle que nous pouvons dire enfin je le veux, et cela grâce à vos succès en Europe et à ceux de Paskéwitch en Asie. Pour le cas possible de la paix, je suppose laisser, si telle le portent les conditions, 8 divisions d'infanterie et 4 de cavalerie, pour l'occupation des pays que nous devons garder en otage aux garanties, et nomément les 9, 10, 11 et 12 forment dorénavant le 3-e corps sous Krassofsky ou Rüdiger à votre choix et les 16, 17, 18 et 19 du 5-e corps futur sous Rott, avec les 3-e hussards 4-e lanciers et le 4-e corps de cavalerie de reserve. La 12-e division serait pour les places au-delà de Bourgas, la 11-e pour le Golfe de Bour-

11-ю къ Бургасскому заливу и къ Варнѣ, 15-ю въ Болгарію, а 9-ю въ Силистрію; 5-й корпусъ занялъ бы княжества, или, наоборотъ, т. е. 5-й корпусъ въ области по ту сторону Дуная, а 3-й корпусъ для княжествъ; остальныя части арміи, т. е. будущій 2-й корпусъ и одна дивизія 1-го (4-я) могли бы возвратиться. Въ этой надеждѣ приказываю все приготовить для дезинфекціи имѣющихъ возвратиться войскъ.

Въ заключеніе вмѣняю себѣ въ удовольствіе, любезный другъ, самолично увѣдомить васъ, что я пожаловалъ графиню, супругу вашу, статсъ-дамою; но отчаяваюсь видѣть ее, ибо она продолжаетъ никуда не показываться.

Поклоны Толю, Палену и Орлову; желалъ бы, чтобы вы имѣли случай быть довольны послѣднимъ; я въ немъ былъ постоянно увѣренъ и доволенъ имъ.

Прощайте, любезный другъ, Господь да направляетъ васъ и помогаетъ вамъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да дозволитъ вамъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный миръ Адріанопольскій.

Навсегда вашъ искренно доброжелательный Николай.

Жена моя поздравляетъ васъ съ блестящими успѣхами и кланяется вамъ.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Елагинъ островъ.—1-го (13-го) сентября 1829.

Любезный другъ! Ваши два письма отъ 13-го и 17 числа дошли до меня вчера немногими часами одно прежде другаго, и я счастливъ, что

---

gas et Warna, la 15-e pour la Bulgarie et la 9-e pour Silistrie; le 5-e occuperait les Principautés ou bien l'inverse, c. a. d. le 5-e corps pour les provinces au delà du Danube, et le 3-e corps pour les Principautés; le reste de l'armée c. a. d. le futur 2-e corps et une division du 1-r (la 4-e) pourraient revenir. C'est dans cet espoir que je fais tout préparer pour la purification de ce qui doit rentrer.

Avant de finir je me fais un plaisir, cher ami, de vous informer moi-même, que j'ai nommé la comtesse votre épouse—Dame à portrait; mais je desespère de la voir, car elle fait constamment l'invisible.

Mille choses à Toll, Pahlen et Orloff; je désire que vous ayez lieu d'être content de celui-ci; j'en ai été toujours parfaitement sûr et satisfait.

Adieu, mon cher ami, que Dieu vous guide et vous assiste dans vos dernières oeuvres et vous permette le plus tôt possible de signer une belle paix d'Adrianople.

A vous pour la vie—votre sincèrement affectionné Nicolas.

Ma femme vous offre ses félicitations pour vos glorieux succès et vous dit mille choses.

Mon cher ami vos deux lettres du 13 et 17 me sont parvenues hier à peu d'heures de distance l'une de l'autre et je suis bien heureux de ce

письмо отъ 17-го много облегчаетъ отвѣтъ, который я дамъ на письмо отъ 13. Но прежде всего я долженъ высказать вамъ, какъ я доволенъ вашимъ превосходнымъ, могу даже сказать, классическимъ отвѣтомъ посламъ. Вы какъ будто бы взяли его изъ моихъ устъ; онъ низведетъ ихъ на тотъ тонъ, который имъ подобаетъ, впрочемъ, теперь уже довольно покорный. Перейдемъ затѣмъ къ случайностямъ, осуществленіе которыхъ я молю Бога не допустить! Это увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать слѣдовательно исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній, на случай если дѣйствительно дошло бы уже до того. При неуспѣшности переговоровъ, вы должны немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе уравновѣшиваются вашею нравственною силою. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ, вы положительно откажитесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было. Тѣмъ болѣе вы не дозволите ни какому иностранному флоту войти въ Дарданеллы впредь до приказанія Изъ перлюстраціи депеши Гильемино къ Мортемару мы узнали, что послы имѣли уже намѣреніе ввести туда свои эскадры. яко бы для защиты своихъ соотечественниковъ. Но къ счастію они въ настоящее время на это не рѣшились; но кто можетъ поручиться, что они сіе не исполнятъ. или же не осуществятъ позже?

---

que celle du 17 me facilite beaucoup la reponse que je ferais à celle du 13.— Mais que je commence par vous dire combien je suis satisfait de votre réponse parfaite, je puis dire classique, aux ambassadeurs, c'est comme si vous me l'eussiez prise de la bouche; elle les remettra au ton que leur convient, mais au reste qui est déjà passablement humble.— Maintenant passons aux possibilités que je prie Dieu de ne pas nous faire voir arriver!—Celles de nous voir maîtres de Constantinople, et par conséquent de la disparition de l'Empire Ottoman en Europe.— Cependant je ne veux pas vous laisser sans quelques directions générales, pour le cas ou effectivement nous en fussions déjà là. Si les négociations manquaient il faut que vous marchiez sans délai sur Constantinople en vous assurant des Dardanelles; ne faites pas attention à votre peu de force numérique. elle est plus que compensé par votre force morale. Maître de Constantinople. vous attendrez de nouveaux ordres, avant lesquels vous refuserez positivement d'entrer dans aucun pourparler quel qu'il fut et avec qui que ce fut. A plus forte raison vous ne permettrez à aucune flotte étrangère d'entrer dans les Dardanelles jusqu'à nouvel ordre. La perlustration de la dépèche de Guilleminot à Mortemart nous à fait connaitre que les ambassadeurs avaient déjà un instant eu l'idée de faire entrer leurs escadres soit-disant pour protéger leurs

Полученныя мною сегодня утромъ черезъ курьера извѣстія изъ Лондона положительно подтверждаютъ, что Англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія, до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога, не обходитесь съ нами по-Дибичевски и пощадите нашу честь. Они видятъ и не опасаются болѣе паденія Оттоманской имперіи и нашего владычества въ Константинополѣ; словомъ, это полное торжество.

Слава Богу, а вамъ спасибо. Это болѣе чѣмъ всѣ фразы. Но, любезный другъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь отнесемъ все Богу и и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго. Вотъ слава, о которой я мечтаю, и да хранитъ меня Господь добиваться иной; я же увѣренъ, что вы меня понимаете.

Жена моя кланяется вамъ, а я васъ обнимаю.

И такъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, впередъ.

На вѣки вашъ доброжелательный Николай.

Поклоны Толю, Палену и Орлову.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь. 30 августа 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Повергаю къ стопамъ вашимъ всеподданнѣйшія поздравленія и самыя искреннія пожеланія по случаю сегодняшняго торжества, въ которомъ свѣтлыя надежды на будущее, которое уже не можетъ

---

nationaux. Mais heureusement pour le moment ils ne s'y sont pas decidés; mais qui peut répondre qu'ils ne le fassent ou ne l'ayent déjà fait plus tard?

Mes nouvelles de Londres, de ce matin par courrier, disent positivement que le ministère Anglais est complétement térrassé par le succès de nos armes, au point qu'Aberdeen a dit aux notres, au nom de Dieu ne nous traitez pas à la Diebitsch et ménagez notre honneur. Ils voyent et ne craignent plus la chute de l'Empire Ottoman et de nous voir maître[1] de Constantinople; enfin c'est un triomphe complet. Dieu soit béni et à vous спасибо, c'est plus que toutes les phrases. Mais cher ami, maintenant plus que jamais tout à Dieu et soyons plus calmes, plus modestes, plus généreux et plus conséquent que jamais; voilà les triomphes que moi je cherche et que Dieu m'en preserve d'en chercher d'autres; et je suis sur que vous me comprenez.

Ma femme vous dit mille choses et moi je vous embrasse.

Ainsi donc si tout est fini revenez, si non впередъ.

A vous pour la vie

Votre affectionné Nicolas.

Mille choses à Toll, Pahlen et Orloff.

[1] Пять разъ подчеркнуто государемъ.

быть нашимъ достояніемъ, соединяются въ вѣрныхъ сердцахъ съ настоящимъ счастіемъ и дорогими воспоминаніями. Господь Богъ, видимо благословляя оружіе В. И. В. ниспослалъ намъ радость возвѣстить въ такой день увѣренность въ заключеніи славнаго мира. Послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ Прусскій посолъ, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира, и кромѣ того читая памятный документъ, подписанный сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино, содержащій въ себѣ заявленіе Порты, подтвержденное гг. послами, что движеніе вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ существованію Оттоманской имперіи,—все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ для вашего оружія, Государь, но и самою прочною гарантіею для мира, ибо никто не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на бой.

Я полагаю, что слѣдующій фельдъегерь привезетъ В. И. В. мирный трактатъ, подписанный въ такомъ видѣ, въ какомъ я сообщилъ его графу Нессельроде въ моихъ послѣднихъ депешахъ. Пункты относительно вознагражденія будутъ предметомъ отдѣльнаго соглашенія, составляя однако неприкосновенную часть трактата. Въ виду этихъ надеждъ я счелъ нужнымъ остановить движеніе генерала Рота и графа Палена. 6-й корпусъ находится въ Люле-Бургасѣ, занявъ Каристанъ и Чорлу; второй корпусъ занимаетъ Визу, а авангардъ его находится въ Сараѣ.

Генералъ-майоръ Сиверсъ, отправленный съ 4-мъ Бугскимъ полкомъ и четырьмя орудіями на Эносъ, прекрасно выполнилъ данныя ему инструкціи; онъ разсѣялъ сборища, руководимыя сыномъ Салоникскаго паши и принудилъ аяна Эноса сдаться на капитуляцію, угрожая идти на приступъ съ уланами, вооруженными Турецкимъ оружіемъ. 54 пушки, изъ которыхъ 29 орудій большаго калибра и 11 бронзовыхъ, составляютъ трофеи этаго блестящаго дѣла, открывшаго для второй арміи сообщеніе со Средиземнымъ флотомъ.

Сегодня фельдъегерь кромѣ ключей везетъ и флагъ отъ цитадели Эноса, три бунчука, четыре знамени, которыя нашли здѣсь; предполагаютъ, что они были спрятаны Гуссейномъ-пашей.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—3-го сентября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Имѣю счастіе донести В. И. В. о заключеніи мира, который подписанъ вчера 2-го сентября, послѣ обѣда. Нѣтъ сомнѣнія, что ратификація трактата будетъ немедленно доставлена Портою.

Мы установили статьи въ томъ же видѣ, въ какомъ они были предложены нами въ проэктѣ трактата, который былъ сообщенъ мною графу Нессельроде 30-го августа; я долженъ былъ сдѣлать уступку относительно немедленной уплаты торговаго вознагражденія, въ тѣхъ видахъ, что Турецкіе уполномоченные заявили, что въ настоящее время прави-

тельство ихъ рѣшительно не имѣетъ денегъ и поэтому находится внѣ всякой возможности выплатить согласно со статьею договора 500,000 дукатовъ впродолженіе мѣсяца послѣ ратификаціи, между тѣмъ какъ возвращеніе Адріанополя для нихъ необходимо, чтобы возстановить спокойствіе въ столицѣ; что они просятъ въ первый мѣсяцъ заплатить 100,000 дукатовъ, черезъ шесть мѣсяцевъ 400,000 и остальное втеченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ.

Что же касается до вознагражденія за военныя издержки, опредѣленныя въ договорѣ въ десять милліоновъ дукатовъ, то согласно съ нимъ Турки обязуются уплачивать его такъ, какъ это будетъ благоугодно В. В., послѣ особаго воззванія Оттоманской Порты, которая вполнѣ предается великодушію и милосердію В. В.

До окончанія уплаты контрибуціи наши войска займутъ княжества и Силистрію; они останутся также въ сѣверной части Румеліи, между Балканами и горами Странджи, до апрѣля мѣсяца 1830 года, а въ Болгаріи до 1 октября того же года. Я полагаю, что это составляетъ необходимое условіе въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи и особенно самого султана. Кромѣ того, у насъ уже заготовлены припасы на это время сообразно съ распредѣленіемъ войскъ, которое прилагается въ особой запискѣ.

Я счастливъ, что могъ окончить великую задачу, возложенную на меня В. В., слѣдуя, насколько это было возможно, самой буквѣ вашихъ инструкцій и соображаясь точно съ великодушными чувствами В. В., блестящее проявленіе которыхъ должно въ значительной степени успокоить Европу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу однако скрыть отъ В. В., что состояніе, въ которомъ находится Оттоманская имперія, должно внушить справедливыя опасенія: христіане, составляющіе $^2/_3$ населенія Европейской Турціи, находятся въ униженномъ и рабскомъ состояніи, которое рано, или поздно должно вызвать волненія, тѣмъ болѣе сильныя, что половина этой трети—мусульмане, можетъ быть, еще недовольнѣе, чѣмъ сами христіане: такое грустное положеніе можетъ быть улучшено только сильнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мудрымъ и справедливымъ правительствомъ. Этихъ двухъ послѣднихъ качествъ положительно недостаетъ въ управленіи султана Махмуда, вслѣдствіе чего положеніе Оттоманской имперіи останется всегда шаткимъ и малоуспокоительнымъ. Занятіе нашими войсками княжествъ и Силистріи на довольно продолжительное время и полное господство нашего флота на Черномъ морѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, кажется мнѣ крайне необходимымъ для нашихъ интересовъ. Первое даетъ намъ кромѣ того возможность упрочить въ Молдавіи и Валахіи новую администрацію, которую угодно въ нихъ учредить В. В.

Я не могу предвидѣть, до какихъ предѣловъ угодно будетъ В. В. распространить великодушіе къ которому прибѣгаетъ Порта въ дѣлѣ

вознагражденія за военныя издержки, и хотя всеобщее убѣжденіе заставляетъ думать, что финансы Турціи совсѣмъ истощены, тѣмъ не менѣе я не считалъ себя въ правѣ сбавить даже небольшую часть съ требуемой нами суммы, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы прибѣгнуть къ вашему великодушію. Во всякомъ случаѣ, если В. В. дозволите мнѣ высказать свое мнѣніе, то я осмѣлюсь сказать, что можно съ десяти милліоновъ сбавить два; пять или шесть милліоновъ разрѣшить уплачивать равными частями въ извѣстные сроки впродолженіе десяти лѣтъ. Все это время мы сохранимъ, какъ залогъ, княжества и Силистрію. Наконецъ, относительно остальныхъ двухъ или трехъ милліоновъ слѣдуетъ сказать, что способъ ихъ платежа будетъ впослѣдствіи опредѣленъ В. В., сообразно съ поведеніемъ Порты относительно Россіи и ея христіанскихъ подданныхъ и со степенью точности выполненія условій послѣдняго трактата.

Одно изъ важнѣйшихъ назначеній въ настоящее время составляетъ выборъ нашего посла въ Константинополѣ; я полагаю, что на этомъ мѣстѣ долженъ быть человѣкъ, который соединялъ бы въ себѣ достоинство и твердость и который постоянно доказывалъ бы Портѣ, что желаніе Ваше—видѣть ее укрѣпившеюся и независимою;что союзъ съ нами доставитъ ей огромныя выгоды и усилитъ ея торговлю на Черномъ морѣ; что собственныя выгоды ея требуютъ улучшенія участи ея христіанскихъ подданныхъ, спасая ихъ отъ произвола пашей и подчиняя ихъ законамъ и приказаніямъ, истекающимъ единственно отъ воли государя. Подобный образъ дѣйствій, веденный со всевозможною скромностью, могъ бы доставить нашему министру довѣріе султана, который, кажется, самъ по себѣ склоненъ дѣйствовать вышеизложеннымъ образомъ, но постоянно опасается, что мы поддержимъ партію янычаръ. Я мало знаю г. Рибопьера, но я опасаюсь, что прошлое не будетъ говорить въ его пользу. Можетъ быть, было бы выгоднѣе имѣть тамъ на первое время чрезвычайнаго посла, и притомъ военнаго, которому скорѣе удалось бы сдѣлаться приближеннымъ султана, любящаго подобнаго рода нововведенія. Для этой цѣли вполнѣ удовлетворялъ бы графъ Алексѣй Орловъ по личнымъ достоинствамъ, но для него нуженъ помощникъ, дипломатъ, знакомый съ Востокомъ. Фонтонъ, оказавшій намъ здѣсь большія услуги и котораго дарованіямъ, усердію и безупречному поведенію я долженъ воздать передъ В. В. полную справедливость, совершенно разстроилъ свое здоровье и нуждается въ двухгодичномъ отдыхѣ. Исчисленныя достоинства его заслуживаютъ того, чтобы В. В. обезпечили ему существованіе; по всему что мнѣ извѣстно, дѣла его повидимому крайне запутаны.

Графы Орловъ и Паленъ выказали большое усердіе; ясностью и твердостью своихъ отвѣтовъ они много содѣйствовали заключенію мира; послѣднему также много способствовало отправленіе генерала Мюффлинга

въ Константинополь, что, полагаю, не могло имѣть мѣста безъ согласія В. В.; его сдержанная и дружественная дѣятельность, равно какъ усилія г. Ройсра, продолжавшаго съ успѣхомъ то, что было начато генераломъ, дали въ Константинополѣ ясное и истинное понятіе относительно нашихъ намѣреній съ самаго начала переговоровъ; слѣдуя за тѣмъ уже открыто приказаніямъ и заявленіямъ В. В., мы были въ состояніи ускорить окончаніе нашихъ сдѣлокъ.

Я сообщу о заключеніи мира, а слѣдовательно о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій, графу Паскевичу и нашимъ адмираламъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ; въ то же время дамъ знать Французскому и Англійскому посланникамъ въ Константинополѣ о статьѣ, касающейся Греціи. Грейгу предлагаю остаться еще на время въ Сизополѣ; относительно Средиземнаго флота ожидаю приказаній В. В., полагая, что они будутъ въ то же время отправлены непосредственно графу Гейдену. Въ ожиданіи ихъ, я пишу ему, чтобы онъ снялъ блокаду съ Дарданеллъ и отозвалъ къ себѣ эскадру контръ-адмирала Рикорда, лишь только получитъ извѣстіе о ратификаціи трактата Портою. Затѣмъ, чтобы онъ, не производя враждебныхъ демонстрацій, избралъ удобную стоянку для флота, оставляя однако для сообщенія со мною крейсеръ передъ Эносомъ. Хотя я намѣреваюсь очистить этотъ пунктъ, какъ слишкомъ отдаленный отъ нашего центра, но полагаю при посредствѣ Турецкихъ властей сохранить съ нимъ обезпеченное сообщеніе.

Во избѣжаніе всякихъ замедленій и задержекъ, я посылаю съ перемѣнными фельдъегерями обыкновеннымъ сухимъ путемъ мои донесенія и копію съ трактата; въ то же время посылаю Чевкина къ В. И. В., который, отправляясь моремъ въ Одессу, подлежитъ можетъ быть освобожденію отъ карантина въ виду удовлетворительнаго положенія здѣшней мѣстности въ санитарномъ отношеніи и проѣдетъ весьма быстро, чтобы словесно доложить желаемыя В. В. подробности.

Государь! Богъ благословилъ усилія несравненной арміи, которую вамъ угодно было довѣрить мнѣ; Онъ увѣнчалъ ихъ славнымъ миромъ, согласнымъ съ Августѣйшею волею В. В.; миръ этотъ докажетъ Европѣ непоколебимую силу вашего могущества и еще болѣе великость вашего милосердія къ вызвавшему войну врагу, гордость котораго была сломана до послѣднихъ предѣловъ. Счастливый содѣйствіемъ, оказаннымъ при достиженіи этихъ результатовъ, мнѣ остается только обратиться къ безграничной милости В. В. и просить, чтобы мнѣ предоставлено было счастіе возвратить храбрую и побѣдоносную армію вашу къ нашимъ границамъ. Осмѣлюсь льстить себя надеждою, что она удовлетворитъ ожиданіямъ В. В., и во время мира, какъ на войнѣ, будетъ продолжать службу съ тѣмъ же усердіемъ и неизмѣнною преданностью.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Александрія. 10-го сентября 1829.

Хотя взявшись за перо, дабы отвѣтить на ваше письмо отъ 24-го августа, я долженъ полагать, что все кончено, или же въ противномъ случаѣ вы находитесь въ Константинополѣ, но на всякій случай я хочу любезный другъ, коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ, подлежащихъ ратификаціи.

Вполнѣ одобряю вашъ способъ дѣйствія и двухъ вашихъ помощниковъ въ переговорахъ; еще больше хвалю ваше заявленіе и предпринятыя передвиженія войскъ, съ цѣлью доказать, что не намѣрены остановиться; но не согласенъ занять княжества какъ гарантію на 10 лѣтъ! Это заставляетъ насъ выйти изъ своей роли, показываетъ, что мы хотимъ измѣнить своему слову и ищемъ предлога, дабы не очищать княжества, а навсегда за собою ихъ оставить; кромѣ того, занятіе этихъ провинцій будетъ весьма тягостно и въ денежномъ отношеніи и, что того хуже, для людей.

Я же хочу, чтобы вмѣсто княжествъ вы удержали прибрежные пункты отъ залива Бургаса до Кюстенджи и предмостнаго укрѣпленія въ Сатуновѣ. Силистрія должна остаться за нами до окончательной уплаты торговыхъ убытковъ, равно какъ и княжества, и затѣмъ должны быть очищены. Если вамъ не удалось добиться уступки Карса, что я считалъ для насъ весьма полезнымъ,—то сохраните этотъ пунктъ, какъ

Quoiqu' au moment où je prend la plume pour répondre à votre lettre du 24 août, je désire supposer que tout est terminé, ou bien dans le cas contraire, que vous devez être à Constantinople, je veux à tout hazard toucher quelques points, mon cher ami, qu' il importe de ratifier.

J'approuve parfaitement la manière dont vous et vos deux aides avez procédé dans la négociation; j'approuve encore plus votre déclaration et les mouvements que vous avez fait pour prouver que vous n'êtes pas disposé à vous arrêter, mais je ne puis consentir à garder comme garanties les Provinces pour dix ans! — Cela nous fait sortir de notre rôle, nous donne l'air de vouloir fausser notre parole et d'avoir l'intention de chercher un prétexte pour ne pas evacuer les Principautés, pour les garder toujours; par dessus cela l'occupation de ces provinces nous serait des plus onéreuses et en argent et ce qui pi c'est en hommes.

Je veux donc qu' au lieu des principautés vous gardiez les places du littoral depuis le golfe de Bourgas jusqu'à Kustendji et la tête de pont de Satounowa. Silistrie nous resterait jusqu'à la fin du payement des frais de commerce, ainsi que les principautés et seraient evacués après le payement. Si vous n'avez pu obtenir la cession de Kars, que je regarderai comme fort utile pour nous, ce sera ce point au lieu des principautés que vous garderez. Je partage votre opinion sur l'ino-

залогъ, вмѣсто княжествъ. Соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ о неудобствѣ территоріальнаго увеличенія въ Азіи, но Карсъ и Ахалцихъ съ Батумомъ намъ необходимы, дабы укрѣпить правую сторону нашихъ владѣній, слишкомъ открытую для Турокъ. Сія уступка могла бы даже замѣнить часть денежнаго вознагражденія, какъ значится въ проэктѣ, и удобнѣе для насъ, чѣмъ все остальное.

Изъ письма вашего къ Чернышеву усматриваю, что вы полагаете во всякомъ случаѣ зимовать съ войсками по ту сторону Балканъ. Я прекрасно понимаю основанія, которыя васъ къ сему побуждаютъ; но было бы хорошо однако возвратить все, что признано будетъ возможнымъ. Есть средство достигнуть этой цѣли, а именно, укомплектовать вполнѣ полки дивизій, назначенныхъ остаться, прочими частями и остальныхъ возвратить съ офицерами, дабы переформировать съ помощью резервныхъ баталіоновъ. Это составило бы большую экономію, и они могли бы возвращаться на судахъ флота,—по крайней мѣрѣ, часть.

Новости изъ Лондона и Парижа очень утѣшительны тѣмъ, что вполнѣ предоставляютъ намъ окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ.

Поклоны Толю, Палену и Орлову; жена вамъ кланяется, а я обнимаю и пребываю навсегда вамъ доброжелательный Николай.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Александрія.—12-го сентября 1829.

Вашъ курьеръ отъ 30-го числа прибылъ ко мнѣ вчера утромъ, любезный другъ, и я не могу иначе начать мое посланіе, какъ поблаго-

---

portunité des augmentations de territoire en Asie, mais Kars et Achalzyk avec Batoum nous sont indispensables pour affermir la droite de nos possessions, trop exposée aux Turcs. Cette cession même pourrait remplacer une partie des indemnités pécuniaires comme le projet le porte, et nous convient bien mieux que tout le reste.

Je vois par votre lettre à Чернышевъ que vous pensez en tout cas faire hyverner les troupes au de là du Balkan; je comprend parfaitement les raisons qui vous y engagent; mais il serait cependant bon de retirer tout ce qui est possible. Pour arriver à ce but, il serait un moyen, c-a-d. de compléter les régiments des divisions destinées à rester, au grand complet effectif, par les autres et de faire revenir le reste avec les officiers, pour le reformer à l'aide des bataillons de reserve. Cela ferait une forte diminution de dépense et pourrait revenir à bord de la flotte; du moins en partie.

Les nouvelles de Londres et de Paris sont fort bonnes, en ce que l'on se remet absolument à nous pour en finir sur toutes les matières.

Mille choses à Toll, Pahlen et Orlof; ma femme vous dit mille choses, et moi je vous embrasse, étant pour la vie votre affectionné. Nicolas.

Votre courier du 30 m'est parvenu hier matin, mon cher ami, et je ne puis commencer mon épître autrement qu'après avoir remercié Dieu

даривъ Бога, сказать вамъ bravo, bravo и bravo. Мой отвѣтъ—св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю; вы его вполнѣ заслужили! Теперь еще разъ искренно благодарю за вашъ образъ дѣйствія, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго Русской арміи, стоящей у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый—на Севастопольскій флотъ; Прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана и свидѣтельство о гибели, подписанное послами Французскимъ и Англійскимъ! Послѣ этого остается только сказать: Великъ Богъ Русскій! и спасибо Забалканскому.

Теперь, любезный другъ, я снова самымъ положительнымъ образомъ требую отъ васъ, чтобы допустить занятіе княжествъ въ видѣ гарантіи отнюдь не дальше, чѣмъ на одинъ годъ. Вмѣсто этаго удержите за собою прибрежные пункты и непремѣнно требуйте сначала Батумъ и даже Карсъ, если это окажется возможнымъ. Батумъ для насъ весьма полезенъ, а Карсъ могъ бы равноцѣненъ нѣсколькимъ милліонамъ. Въ депешахъ Нессельроде очень ясно изложены самыя выдающіяся неудобства однаго и выгоды другаго; даже Англичане находятъ, что это просто и естественно.

Бога ради, займитесь возвращеніемъ возможно большаго количества

---

de vous dire bravo, bravo et bravo. Le premier de S-t George, que je vous envois, est ma réponse, au reste il vous est du en plein!—Maintenant recevez encore tous mes sincères remerciments pour votre conduite aussi ferme, habile, que noble et modérée. Votre position est digne, du commandant en chef d'une armée russe aux portes de Constantinople. Militairement elle est fabuleuse et l'esprit à peine peut se l'imaginer: la droite appuyée à la flotte partie de Cronstadt, la gauche à celle de Sevastopol, un ministre de Prusse arrivant à votre quartier général, porter les supplications du sultan et un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre! Après cela il ne reste qu'à dire: Великъ Богъ Русскій et спасибо Забалканскому.

Maintenant, mon cher ami, j'en reviens pour insister près de vous de la manière la plus positive, pour ne pas admettre comme garantie les Principautés pour plus que tout au plus un an; au lieu de cela vous garderez les places du littoral et exigez absolument d'abord Batoum, et même Kars si cela est possible. Batoum nous est des plus utiles et Kars pourrait être l'équivalent de quelques millions. Les dépêches Nesselrode vous exposent toutes les raisons bien claires de l'inconvénient trop saillant de l'un et l'avantage de l'autre; même les Anglais le trouvent tout simple et tout naturel.

войскъ, оставивъ себѣ только крайне необходимое число. Прикажите также Гейдену, дабы онъ половину своей эскадры отправилъ на зимовку во Францію.

Чернышевъ ужь извѣстилъ васъ о перемѣнахъ, которыя предполагаю сдѣлать въ распредѣленіи дивизій по корпусамъ, объ упраздненіи главнаго штаба 2-й арміи, равно какъ и штабовъ 6-го и 7-го корпусовъ. Полагаю всѣ армейскіе корпуса содержать на будущее время въ составѣ четырехъ пѣхотныхъ дивизій, имѣя четвертую дивизію каждаго корпуса въ кадровомъ составѣ, что будетъ соотвѣтствовать числу кадровыхъ дивизій, бывшему у насъ до войны, но съ тою выгодою, что мы не будемъ имѣть два корпуса вновь переформированныхъ. Я поручилъ фельдмаршалу разработать согласно съ моими мыслями проэктъ дислокаціи, и все уже готово; и такъ, по мѣрѣ возвращенія, войска займутъ новыя квартиры; Паленъ перейдетъ въ 1-й корпусъ, Красовскій—во 2-й, двумя дивизіями котораго онъ уже командуетъ. Ридигеръ получитъ 3-й корпусъ, который, полагаю, вы оставите еще для княжествъ, ежели вы не пожелаете только отправить сначала Рота съ прежними корпусами 6-мъ и 7-мъ, составляющими нынѣшній 5-й. Вотъ четыре превосходныхъ корпусныхъ командира, и 4-й корпусъ, прежній 5-й, усиленный **кадрами** 16-й дивизіи, находится въ Москвѣ подъ начальствомъ храбраго старика Савоини. Бугская дивизія съ 4-ю уланскою составитъ кавалерію 5-го корпуса, причемъ 4-я останется при немъ, а Бугская

De grâce occupez vous à faire retourner tout ce que vous pourrez de troupes et gardez que l'indispensable. De même vous pouvez ordonner à Heyden de faire retourner pour hiverner en France la moitié de son escadre.

Чернышевъ vous aura déjà informé du changement que je me propose de faire dans le partage des divisions dans les corps et l'abolition de l'Etat Major de la 2-e Armée ainsi que de ceux du 6 et 7 corps. Faisons dorénavant tous les corps de l'armée à 4 divisions d'infanterie; je compte avoir la quatrième de chaque corps en cadre, ce qui équivaudra au nombre des divisions en cadre que nous avons eu avant la guerre, avec l'avantage de ne pas avoir deux corps entiers reformés. J'ai fait faire par le Maréchal un projet de dislocation selon mes idées et le tout est prêt; à mesure donc que les troupes pourons revenir, elles iront se placer dans leurs nouveaux quartiers; Pahlen passera au 1 corps, Krassofsky au 2, dont deux divisions sont celles qu'il a déjà Rüdiger au 3, qui je suppose vous garderez encore pour les principautés, à moins que vous ne préferiez retirer plus tôt Roth avec les anciens 6 et 7 corps, faisant le 5 actuel. Voilà 4 excellents chefs de corps et le 4-e corps, l'ancien 5-e, renforcé **des cadres** de la 16-e division est aux ordres du vieux, brave Savoyny à Moscou. La division du Boug avec la 4-e lanciers feront la cavalerie du 5-e corps, la 4-e, restant

дивизія возвратится въ поселенія. Отъ упраздненія всѣхъ этихъ штабовъ произойдетъ сбереженіе около 300,000 рублей, но экономія отъ корпусныхъ командировъ, главныхъ штабовъ и артиллеріи—гораздо больше. Во время возвращенія войскъ необходимо обратить самое строгое добросовѣстное вниманіе на то, чтобы не занести чумы. Васъ лично обязываю отнестись къ этому со всевозможною строгостью и самому подавать примѣръ. Къ несчастію недавній примѣръ показалъ, насколько это существенно; госпитальное судно «Скорый» выѣхало съ больными изъ Сизополя, останавливалось въ Месемвріи, гдѣ 50 больныхъ, и черезъ нихъ заразилось чумою; всѣ умерли, кто ни соприкасался съ этими людьми; опасаются за Севастополь, что было бы ужасно.

Я приказалъ графу Витту и Воронцову приготовить все, что окажется возможнымъ и полезнымъ, для облегченія карантина войскамъ; но крайне необходимо, чтобы вы внушили всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ ихъ, что они первые должны единодушно работать, дабы искоренить зло, ежели оно есть, или помѣшать ему возникнуть. Вы скажите имъ также, что ни чины, ни заслуги не помѣшаютъ примѣнить военные законы ко всякому нарушенію предписанныхъ правилъ и въ особенности къ желающимъ добыть себѣ льготы, которыя эта болѣзнь отнюдь не допускаетъ. Предупредите самымъ точнымъ образомъ Воронцова и Витта о времени прибытія войскъ и о ихъ направленіи. Вполнѣ поручаю вамъ это дѣло.

---

auprès, celle du Boug rentrant dans les colonies. L'épargne de tous ces états majors fait près de 300,000 roubles, mais l'économie en chefs de corps, d'état majors et d'artillerie est plus conséquent. Il faudra porter la plus rigoureuse et scrupuleuse attention lors de la rentrée des troupes à ne pas importer la peste; c'est vous personellement que je charge d'y porter toute la sévérité personelle, en donnant l'exemple par vous même. Malheureusement un nouvel exemple vient de prouver combien c'est essentiel; le «Скорый» vaisseau d'hopital parti avec des malades de Sizopolis, s'est arrêté à Missembria, y a pris une cinquantaine de malades, et s'est trouvé avoir par eux la peste à bord; tout ce qui a été en contact avec ces gens est mort à bord et l'on est dans des craintes pour Sévastopol, ce qui serait désespérant.

J'ai chargé le comte Witt avec Woronzof de préparer tout ce qui sera possible et jugé utile par eux pour faciliter la quarantaine aux troupes; mais il est de rigueur que vous pénétriez tous les chefs et les subalternes que c'est à eux à venir au devant pour travailler d'un commun accord à extirper le mal s'il y est, ou de l'empêcher de se produire. Vous leur direz aussi que ni les grades ni les autres mérites n'empêcheront de sévir selon les loix militaires contre toute infraction aux régles prescrites et surtout contre ceux qui voudraient s'accorder des privilèges que cette maladie n'admet point. Prévenez de la manière

Жена вамъ кланяется, любезный другъ. Поклоны Толю, Палену и Орлову. Навсегда вамъ искренно доброжелательный.

Николай.

Сиверсу далъ св. Георгія третьей степени; его подвигъ достоинъ исторіи. Прошу составить мнѣ особую записку для назначенія отличій полкамъ, участвовавшимъ въ этой войнѣ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—18-го сентября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! В. И. В. увидите изъ моихъ сообщеній графу Нессельроде, что наконецъ вчера Турецкіе уполномоченные заявили оффиціально нашимъ, что къ нимъ прибыла отъ ихъ правительства ратификація и что вообще они начинаютъ обнаруживать большее усердіе для выполненія установленныхъ мирныхъ условій, безъ чего они должны ясно предвидѣть, что имъ не уступятъ ни одной пяди земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я очень опасаюсь, чтобы невыносимая медленность Турокъ не заставила ихъ еще надѣлать глупостей, что, къ великому неудовольствію нашему, замедлитъ выступленіе войскъ, столь нуждающихся въ продолжительномъ покоѣ. Къ счастію погода прекрасная и обѣщаетъ намъ сухую и продолжительную осень.

Паша Скодрійскій остановился въ Филиппополѣ. Киселевъ и Гейсмаръ преслѣдовали его по ту сторону Врацы, когда къ нимъ пришло извѣстіе о мирѣ; они однако заняли ущелья по ту сторону Балканъ. Пока Турки не выполнятъ всѣхъ условій касательно Сербіи, я думаю Гейсмара оставить около Врацы, а Киселева приблизить къ Шумлѣ до Габрова. Если паша Скодрійскій осмѣлится сдѣлать одинъ шагъ впередъ, я поступлю съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ противъ Порты, что я уже объявилъ уполномоченнымъ.

Осмѣливаюсь повторить мою почтительнѣйшую просьбу относительно того, что намъ дѣлать съ Греками и Болгарами, которые, вѣроятно, въ значительномъ числѣ послѣдуютъ за нами, когда мы станемъ оставлять эту страну. Я спрашивалъ Желтухина, не можетъ ли онъ помѣстить ихъ пока въ княжествахъ: но подобная мѣра должна быть, по моему мнѣнію, только временною.

---

la plus précise Woronzof et Witt du moment de l'arrivée des troupes et de leur direction. A présent c'est sur vous que je m'en remets.

Ma femme vous dit mille choses, mon cher ami. Mes amitiés à Toll, Pahlen et Orlof et tout à vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné

Nicolas.

J'ai donné le 3-e S-t George à Sievers; son fait d'arme est historique. Faites moi une note particulière pour les distinctions à accorder aux régiments dans cette guerre.

Толь уѣхалъ сегодня утромъ,—отъѣздъ друга, котораго я почиталъ, и можетъ быть единственнаго человѣка, съ которымъ я, при сообщительномъ характерѣ, могъ быть откровеннымъ, къ тому же по долгу службы, оставилъ послѣ себя такій пробѣлъ, восполнить который нелегко даже и въ болѣе мирное время.

По полученіи послѣднихъ приказаній В. И. В. я все-таки полагаю, что генералъ Красовскій можетъ быть полезенъ и внѣ командованія корпусомъ. Въ этомъ случаѣ, Красовскій могъ бы прекрасно исполнять должность начальника штаба, особенно, если Нейдгарту нельзя пріѣхать сюда. Садгеръ постоянно въ походахъ и кажется доволенъ, хотя дѣйствія его стѣснились заключеніемъ мира и приказаніями, данными мною заранѣе и весьма точными относительно уваженія всего того, что относится къ Магометанскому культу.

Слабость и болѣзни въ этомъ прославленномъ климатѣ не прекращаются,—я принужденъ дать отпускъ незамѣнимому Фонтону, Безродному, Витту и многимъ генераламъ, чтобы не потерять ихъ.

Господу Богу угодно было поддержать мои силы, и я надѣюсь, что Провидѣніе сохранитъ ихъ для добросовѣстнаго исполненія службы В.В-ва.

Генералъ Завадскій скончался, послѣ продолжительной болѣзни, отъ сильныхъ ранъ въ голову, породившихъ воспаленіе мозга.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ.—22-го сентября 1829.

Возблагодаривъ Всемогущаго на Марсовомъ полѣ среди войскъ и огромной толпы, обращаюсь къ вамъ, любезный другъ, съ душевною благодарностью за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію. Адріанопольскій миръ—самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы съумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность зажметъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью. Еще разъ спасибо, на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала, пожалованный вамъ сегодня, принадлежатъ вамъ по праву.

Ничего не могу сказать вамъ кромѣ того, что говорилъ въ предыду-

---

Après avoir rendu grâce au Tout-Puissant sur le champ de Mars au milieu des troupes et d'une foule immense, je vous adresse à vous, mon cher ami, mes bien sincères remerciments pour l'heureuse fin qui couronne votre belle campagne. La paix d'Adrianople est une des plus glorieuses qui jamais eut été conclue, et vous avez su lui imprimer le caractère qui convenait à une paix, issue d'une pareille guerre; notre modération doit fermer la bouche à tous nos detracteurs, et pour nous même elle nous met d'accord avec notre conscience. Encore une fois toute ma reconnaissance vous est vouée pour la vie. Le grade de maréchal auquel je vous ai promu aujourd'hui vous appartient de droit.

Je ne puis cependant que vous répéter ce que je vous dit dans tou-

щихъ письмахъ относительно княжествъ; Нессельроде также развилъ вамъ все это въ депешахъ, которыя вы получили. Я возвращаюсь къ сему только для того, дабы сказать, вамъ, что Силистрія, Кюстенджи и позади Бабадагъ съ Гирсовымъ и Сатуновымъ будутъ намъ достаточны, на этомъ я настоиваю. Остальное кончайте, какъ можно скорѣе.

Орловъ поѣдетъ на время въ Константинополь, дабы окончить съ подробностями, а что касается до замѣны денежнаго вознагражденія, то курьеръ привезетъ вамъ скоро инструкціи. Старайтесь возвращать войска, мною требуемыя; ежели обстоятельства даже снова измѣнятся, то всегда возможно будетъ васъ своевременно усилить.

Искренно одобряю ваше намѣреніе остаться тамъ; я узнаю васъ въ этомъ, и самъ хотѣлъ даже предложить вамъ; сіе необходимо. Я позволилъ Толю возвратиться, но не знаю, право, кто могъ бы достойнымъ образомъ замѣнить его.

Всѣ перемѣны въ организаціи арміи находятся въ сегодняшнемъ приказѣ. Нашъ бѣдный фельдмаршалъ очень страдаетъ и замѣтно слабѣетъ. Пора объ этомъ подумать.

Я сдѣлалъ все для Чевкина, онъ прекрасный малый.

Жена вамъ кланяется, она нездорова нѣсколько дней и лежала въ постели. Прощайте, любезный другъ, навсегда вашъ доброжелательный

Николай.

Поклоны Толю, Палену и Орлову. Возвращаете ли вы Палена?

---

tes mes précédentes lettres au sujet des principautés; Nesselrode vous l'a aussi develloppé dans les dépèches que vous avez reçu; je ne reviens donc plus là dessus que pour vous dire que Silistrie, Kistendji et derrière le Babadag avec Hirsowo et Satounowo, nous suffisent et cela j'y insiste. Terminez le reste le plus tôt que vous pourez. Orlof ira pour le moment à Constantinople, pour tous ces arrangements de détail; et quant aux équivalents d'indemnités, bientôt le courrier vous en portera l'instruction. Tachez de me renvoyer les troupes que je vous redemande; si même les chances changeaient de nouveau, il sera toujours temps et possible de vous renforcer.

J'approuve parfaitement votre intention d'y rester pour votre personne et je vous y reconnais, et j'avais même l'intention de vous le proposer; c'est indispensable. J'ai permis à Toll de revenir, mais je ne sais en vérité qui pourra dignement le remplacer.

Toutes les mutations dans l'organisation de l'armée sont déjà dans l'ordre du jour de la journée. Notre pauvre maréchal est très souffrant et baisse visiblement; il est temps d'y penser.

J'ai tout arrangé pour Чевкинъ; c'est un excellent garçon.

Ma femme vous dit mille choses, elle n'est pas bien depuis quelques jours et a du rester au lit.

Adieu, mon cher ami, à vous pour la vie votre affectionné Nicolas.

Mille choses à Toll, Pahlen et Orlof; renverez vous Pahlen?

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь—24-го сентября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! По моимъ донесеніямъ графу Нессельроде, В. И. В. изволите усмотрѣть, что дипломатическія дѣла идутъ довольно успѣшно, хотя съ нестерпимою медленностью, свойственною вообще Оттоманамъ, при веденіи своихъ дѣлъ. Эта особенность была весьма полезна намъ въ военное время, но становится весьма непріятною при мирныхъ сношеніяхъ, когда нужно требовать съ ихъ стороны выполненія данныхъ обѣщаній. Тѣмъ не менѣе, я льщу себя надеждою, что иногда путемъ угрозъ, иногдаже, оказывая имъ маленькія одолженія, оставаясь однако всегда вѣрнымъ буквѣ трактата, мы окончимъ все дѣло дружелюбнымъ образомъ; особенно, если В. И. В. удостоите принять посольство Галиль-паши, которымъ они, казалось, были очень озабочены и въ которомъ я не вижу ни какого неудобства. Говорятъ, что онъ человѣкъ очень обыкновенный, обладающій однако хорошими манерами и знакомый даже немного со Французскимъ языкомъ. Обстоятельство, что онъ сдѣлался недавно зятемъ султана, возвышаетъ его въ политическомъ отношеніи; до сего времени онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей по сформированію регулярныхъ войскъ, но главнымъ образомъ—какъ усыновленный любимецъ Хозрева-паши, единственнаго человѣка, отличающагося своими выдающимися качествами въ Константинополѣ и удостоеннаго полнаго довѣрія султана, благодаря столько же твердости и усердію, выказаннымъ противъ различныхъ заговорщиковъ, сколько и прозорливости, съ которою онъ отсовѣтовывалъ войну съ Россіею, хотя онъ, какъ говорятъ, нерасположенъ къ намъ. Въ поведеніи Скодрійскаго паши усматриваю дѣйствія человѣка, измѣнившаго своему государю и готоваго еще измѣнить ему. Я поступлю съ нимъ рѣшительно, но старательно отстраню все, что имѣетъ малѣйшую тѣнь непріязненныхъ отношеній, пока онъ самъ не принудитъ къ тому. Въ ожиданіи этаго я приказалъ Киселеву съ 6-ю баталіонами и 8-ю эскадронами двинуться къ Габрову, а Гейсмару съ такимъ же отрядомъ угрожать Софіи со стороны Врацы.

Надѣюсь, что мое письмо, посланное съ извѣстіемъ о заключеніи мира, и словесный докладъ Чевкина могли хотя частью представить В. В. основанія, которыми я руководствовался въ дѣлѣ относительно гарантій, требуемыхъ отъ Турокъ. Однако считаю своею обязанностью представить В. В-ву по этому предмету прилагаемую при семъ записку. Я буду крайне огорченъ, если, ошибаясь въ моихъ политическихъ и военныхъ соображеніяхъ, я сдѣлалъ, Государь, что-либо противное вашимъ августѣйшимъ намѣреніямъ. Къ причинамъ, заставившимъ меня предпочесть княжества другимъ гарантіямъ, я долженъ прибавить то, что по моему мнѣнію необходимо отнюдь нетерять изъ вида возможность разрушенія Оттоманской имперіи, которая уцѣлѣла, благодаря только великодушію В. В-ва, но которая даже при этой могущественной поддержкѣ, по всей

вѣроятности, не устоитъ на пути начавшагося крайняго разложенія. Въ этомъ случаѣ, котораго намъ желательно избѣгнуть, я не возьму ни какихъ другихъ гарантій, кромѣ доходовъ княжествъ, за наши громадныя издержки для войны, возбужденной Портою.

Санитарное состояніе арміи теперь немного лучше. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ я разсчитываю, и если ратификація прійдетъ во время, то я надѣюсь, что фирманъ касательно Журжева и Сербіи и первые 100,000 дукатовъ прибудутъ весьма кстати, чтобы начать въ первыхъ числахъ октября эвакуацію странъ, лежащихъ по ту сторону Страджи; съ этаго времени я начну отправку войскъ будущихъ 1-го и 2-го пѣхотныхъ корпусовъ, удержавъ временно только 7-ю дивизію. Я переведу тогда мою главную квартиру на нѣсколько мѣсяцевъ въ Ахіоло. Если В. В. осуществите мысль, которую сообщаете мнѣ въ послѣднемъ письмѣ и разрѣшите мнѣ отослать кадры, имѣющіе пополниться рекрутами и приступить къ комплектованію дивизій, остающихся по сю сторону Дуная, тогда я могу тотчасъ же отправить и 7-ю дивизію. 9-я и 17-я дивизіи не нуждаются даже въ этомъ комплектованіи, такъ какъ онѣ довольно сильны и остаются въ видѣ резерва въ княжествахъ.

Я напишу графу Гейдену, чтобы онъ приготовилъ половину своего флота къ возвращенію во Францію. Но я полагаю, что слѣдовало бы дождаться отплытія Англійскаго флота и выполненія трактата, на сколько онъ относится къ Греціи.

Я приложу всѣ старанія въ точности исполнить повелѣнія В. В-ва относительно чумы; но я нахожусь слишкомъ далеко, чтобы отвѣчать за выполненіе дѣла, требующаго непремѣнно личнаго присутствія и примѣрной, исключительной строгости; я немедленно отправлюсь въ эти мѣстности, лишь только устрою Забалканскую часть. Въ ожиданіи этаго я уже приказалъ тремъ козачьимъ полкамъ усилить полицію въ княжествахъ. Всѣ мѣры предосторожности будутъ приняты, и я могу отвѣчать В. В. за точность ихъ исполненія со стороны генерала Красовскаго.

Не понимаю, какимъ образомъ «Скорый» могъ принять больныхъ въ Месемвріи, и еще менѣе, какъ могли быть тамъ зачумленные, если не было ни одного случая эпидеміи. Я также еще не далъ приказанія для эвакуаціи больныхъ изъ Сизополя, а приказалъ тотчасъ навести справку объ этомъ.

Я весьма признателенъ В. В. за прекрасную награду, которую вы пожаловали храброму генералу Сиверсу. Это достойный генералъ и прекрасный слуга во всѣхъ отношеніяхъ.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму графа Дибича.

24-го сентября [1].

Не осмѣливаюсь судить о политическихъ основаніяхъ, которыя за-

---

[1] Оправдательная записка гр. Дибича относительно образа дѣйствій въ политическомъ отношеніи при заключеніи Адріанопольскаго трактата.

ставили бы предпочесть занятіе побережій Чернаго моря оккупаціи княжествъ.

Мнѣ всегда казалось, что Европа будетъ смотрѣть съ гораздо большею завистью на оккупацію провинцій, уже и безъ того отдѣленныхъ нѣкоторымъ образомъ отъ Турецкой имперіи, имѣющихъ отдѣльное управленіе, учрежденіе котораго тотчасъ или спустя нѣкоторое время—зависитъ отъ воли В. В-ва; временное же пребываніе въ нихъ нашихъ войскъ является даже необходимымъ, если желаютъ установить тамъ лучшій порядокъ вещей. Я полагалъ, что подобная оккупація, чисто оборонительнаго и административнаго характера, возбудитъ меньшую зависть въ Европѣ, чѣмъ занятіе прибрежій Чернаго моря; ибо въ послѣднемъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ позицію наступательнаго характера, такъ какъ посредствомъ ея въ одну кампанію (приготовленія къ которой было бы возможно скрыть отъ Европы) мы можемъ явиться передъ стѣнами беззащитной столицы Оттоманской имперіи. Оккупація, распространяющаяся и по ту сторону Балканъ, по моему убѣжденію, не могла бы дать миру даже премуществъ полнаго перемирія.

Если это занятіе побережья дойдетъ только до Варны, то, конечно, оно не будетъ имѣть такаго непріязненнаго характера, но за то не представитъ тѣхъ выгодъ, которые заставили бы предпочесть это занятіе обладанію Силистріею, въ особенности если Варна будетъ срыта—что разумѣется само собою, прежде чѣмъ ее возвратятъ Туркамъ.

Только одна Европейская держава могла быть поставлена въ затруднительное положеніе продолжительнымъ занятіемъ княжествъ, которыя она разными коварными интригами старается настроить противъ насъ и возбудить безпорядки; несмотря однако на всѣ ея успѣхи въ этомъ отношеніи, я считаю временное занятіе княжествъ съ этой точки зрѣнія мѣрою весьма полезною. Вѣнскій дворъ будетъ стѣсненъ, и ему уже нельзя будетъ открыто продолжать свои интриги. Мнѣ кажется, что поставить ее въ такое положеніе было бы и справедливо, и политично съ нашей стороны. Теперь я перехожу въ область собственно военную. Въ стратегическомъ отношеніи занятіе побережій до Сизополя дастъ намъ, конечно значительныя преимущества и, какъ я сказалъ выше, возможность появиться въ Адріанополѣ; но, повторяю, такое положеніе мнѣ кажется невозможнымъ въ политическомъ отношеніи, да и по другимъ военнымъ соображеніямъ оно представило бы большія неудобства. Первое и самое существенное неудобство, противорѣчащее чувствамъ В. И. В.—это чрезвычайно нездоровый климатъ во всѣхъ мѣстахъ побережья. В. И. В. видѣли, что въ Сизополѣ на 3000 человѣкъ гарнизона приходилось 2000 больныхъ; слѣдовательно смертность тамъ простиралась до того, что изъ двухъ человѣкъ умиралъ одинъ и больше, и это было до обнаруженія чумы. В. В. изволили видѣть изъ донесеній, до какихъ ужасающихъ размѣровъ достигла смертность, безъ всякой заразы въ войскахъ, расположенныхъ въ Инадѣ и Мидіи. По словамъ жителей и дан-

нымъ, сообщеннымъ епископами, Ахіоло, Бургасъ и Месемврія—столь же вредны въ санитарномъ отношеніи, сколько Сизополь и Мидія; вслѣдствіе этаго намъ приходится устроивать госпитали по деревнямъ и баракамъ, удаленнымъ на нѣкоторое разстояніе отъ города.

Изъ южныхъ побережій одинъ Сизополь находится въ оборонительномъ положеніи. Потребуются еще огромныя работы и, по примѣру печальнаго опыта прошлаго года, большія жертвы людьми, чтобы дать Бургасу, Ахіолѣ и Месемвріи хотя посредственное оборонительное значеніе; и все это послужитъ ни къ чему, ибо вслѣдствіе недостатка прѣсной воды, эти пункты не выдержатъ ни въ коемъ случаѣ продолжительной атаки.

Я полагаю, достаточно этаго краткаго обзора, исходящаго изъ опыта и искренняго убѣжденія, чтобы доказать невыгоды, связанныя съ оккупаціею побережья и залива Бургасскаго. Мнимыя выгоды обладанія Бургасомъ восхваляются лишь со стороны стратеговъ, никогда его невидавшихъ. Обладаніе этою мѣстностью тогда только можетъ представить очень большую и дѣйствительную выгоду, когда побѣдоносная армія будетъ находиться на южномъ склонѣ Балканъ; но оно не окажетъ существеннаго вліянія на самый переходъ: успѣхъ послѣдняго всегда рѣшится на Камчикѣ, который долженъ быть признанъ ключемъ его.

Мнѣ остается теперь сравнить выгоды и невыгоды оккупаціи побережья отъ Варны до устьевъ Дуная съ оккупаціею княжествъ и Силистріи включительно.

Въ стратегическомъ отношеніи обѣ гипотезы представляютъ, по моему мнѣнію, почти одинаковыя выгоды. Нельзя какъ-слѣдуетъ перейти Балканы, не овладѣвъ Силистріею и Варною. Осада одной изъ нихъ сдѣлается неизбѣжною, если не сроютъ ту изъ крѣпостей, которая будетъ возвращена Туркамъ, или же, если Оттоманское правительство успѣетъ возобновить безъ потери времени возвращенную ей крѣпость. А это совсѣмъ неправдоподобно.

Всѣ крѣпости Бабадага, хотя бы онѣ были снова возстановлены и вооружены (на что потребуется промежутокъ времени въ нѣсколько лѣтъ) окажутъ всегда самое ничтожное сопротивленіе, что доказываетъ опытъ, всѣхъ предъидущихъ войнъ. Предмостныя укрѣпленія въ Сатуновѣ или же въ Силистріи обезпечиваютъ за нами переходъ черезъ Дунай при той, или другой гипотезѣ; притомъ занятіе княжествъ позволитъ намъ устроить нѣсколько подобныхъ переправъ при помощи плотинъ, устроиваемыхъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Численность войскъ должна быть также одинакова въ обоихъ случаяхъ. По моему мнѣнію, потребуется на зиму 1830 года двѣ пѣхотныя дивизіи и шесть козачьихъ полковъ: на слѣдующіе годы можно будетъ убавить на половину пѣхоту, оставивъ только одну бригаду въ Силистріи, одну въ Валахіи и одну въ Молдавіи. Мѣстныхъ пандуровъ и козаковъ будетъ достаточно для занятія такой большой рѣки, какъ Дунай.

Возвращаюсь къ весьма важному вопросу—санитарному.

В. И. В. изволите предполагать, что климатъ княжествъ вреднѣе прибрежнаго; но двухлѣтній опытъ войны убѣдилъ насъ совершенно въ противномъ. Смертность въ Бабадагѣ, Варнѣ, Кюстенджи, Мангаліи, Гирсовѣ и Мачинѣ была ужасна, какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ войскахъ; она была тамъ до появленія чумы даже гораздо сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ нездоровыхъ мѣстностяхъ княжествъ во время ея свирѣпствованія.

Вся горная часть княжествъ представляетъ чрезвычайно здоровую мѣстность, такъ-что ничто не помѣшаетъ намъ расположить тамъ наши войска во время жаровъ. Только Силистрійскому гарнизону будетъ похуже, но всетаки его положеніе въ этомъ отношеніи будетъ гораздо лучше, чѣмъ въ Варнѣ.

Въ финансовомъ отношеніи—содержаніе войскъ въ Молдавіи и Валахіи будетъ стоить несравненно дешевле, чѣмъ въ Болгаріи, куда прійдется привозить все, кончая дровами,—не считая доходовъ съ княжествъ, которыя при хорошей администраціи могутъ дойти до нѣсколькихъ милліоновъ, если не назначать господаря. Кромѣ того, можно получать и дань, которую провинціи обязаны будутъ платить султану, не считая издержекъ на ихъ управленіе. Доходы дойдутъ вѣроятно до 1.000,000 рублей, или по меньшей мѣрѣ до 1½ милліоновъ Турецкихъ піастровъ, между тѣмъ какъ оккупація береговой полосы Чернаго моря не принесетъ ровно никакихъ выгодъ и не будетъ въ состояніи покрыть издержки на администрацію.

Я считаю обязанностью изложить В. И. В. основанія, руководившія мною при выборѣ гарантій,—основанія, систематически и зрѣло обдуманныя вмѣстѣ съ уполномоченными и дипломатами, которые находились при моей главной квартирѣ. Я проникнутъ убѣжденіемъ въ ихъ чрезвычайной важности. Ваша мудрость, Государь, рѣшитъ это дѣло и у васъ всегда останется времени войти въ желаемое соглашеніе съ Турками, ибо эвакуація мѣстности, прилегающей къ Бургасскому заливу, назначена къ будущей веснѣ.

Я полагаю, что гораздо труднѣе будетъ добиться территоріальныхъ уступокъ въ Азіи. Турки опасаются всякаго расширенія Россіи въ Азіи несравненно болѣе, чѣмъ въ Европѣ, придавая своимъ владѣніямъ въ послѣдней значеніе лагерей. При редакціи статьи трактата относительно Азіи я руководствовался сообщеніемъ графа Нессельроде, и я не счелъ себя въ правѣ прибавить во время переговоровъ новыя требованія къ тѣмъ, которыя я опредѣлилъ при открытіи конференціи; къ тому же на этотъ счетъ Турецкіе уполномоченные не дѣлали никогда ни малѣйшихъ предложеній.

Признаюсь вамъ въ то же время, Государь, что на сколько я знакомъ съ мѣстностью изъ донесеній, которыя я старался получать, когда

имѣлъ счастье занимать прежнюю мою должность [1], Карсъ кажется мнѣ даже весьма мало полезнымъ наступательнымъ пунктомъ, послѣ того какъ мы владѣемъ Эриванью и, когда угодно, можемъ укрѣплять Толынь. Батумъ съ плохою гаванью, совершенно открытою для сѣвернаго и западнаго вѣтровъ и отдѣленный отъ торговой дороги, идущей вдоль Ріона и черезъ Кутаисъ, двумя едва проходимыми горными цѣпями,—по моему мнѣнію, нисколько ненуженъ для прикрытія нашего фланга, и долженъ сознаться вамъ, Государь, что не считаю удобнымъ, чтобы въ концѣ войны, въ которой ваши арміи въ Европѣ и въ Азіи покорили столько провинцій и крѣпостей,—требовать еще уступки города, которому даже не угрожали эти войска.

Простите, Государь, если я ошибаюсь; но я счелъ бы себя преступникомъ, если бы я не повергъ на благоусмотрѣніе ваше съ полною откровенностью побудительныя причины, руководившія мною въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ [2].

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь—24-го сентября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Повергаю къ стопамъ В. В-ва мою глубочайшую и искреннѣйшую признательность за ленту св. Георгія. Это есть великая награда, которая всегда составляетъ предметъ желаній каждаго Русскаго воина, относящагося съ любовью къ своему званію. Августѣйшія слова, сопровождавшія ее, еще болѣе дорогія моему сердцу, осчастливили меня тѣмъ больше, что они относились къ храброй арміи, достойной носить Ваши знамена, Государь, по тѣмъ чувствамъ, которыя она такъ искренно раздѣляетъ со своимъ начальникомъ и которыя дали ей взаимную увѣренность, заставившую каждаго съ помощью Божіею исполнять свой долгъ для выполненія вашихъ августѣйшихъ предначертаній.

Наградивъ меня столь щедро и притомъ вдвойнѣ почти при каждомъ случаѣ, В. В-во позволите мнѣ ходатайствовать также о награж-

---

[1] Начальника Главнаго Штаба Его Величества. *П. Ш.*

[2] Чтеніе этой записки производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе; въ ней замѣтно полнѣйшее непониманіе существенныхъ интересовъ Россіи и указаній предначертанныхъ главнокомандующему державною рукою императора Николая. Доводы же, которыми отвергается значеніе для насъ Карса и Батума поражаютъ своею наивностью.—Перечитывая 2-ю и 4-ю статьи Адріанопольскаго трактата, въ которыхъ перечисленъ длинный рядъ нашихъ завоеваній, возвращенныхъ Блистательной Портѣ, невольно поражаетъ насъ мнѣніе, высказанное графомъ Дибичемъ относительно неудобствъ требовать уступки Батума, какъ пункта, которому даже не угрожали побѣдоносныя Русскія войска впродолженіе двухлѣтней кампаніи!!!

Графъ Паскевичъ смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ нашего территоріальнаго усиленія въ За-Кавказьѣ несравненно правильнѣе и въ письмѣ къ вице-канцлеру графу Нессельроде сообщилъ о степени той важности съ какою должны быть цѣнимы при заключеніи мира области, покоренныя оружіемъ нашимъ въ Азіатской Турціи. Будущій князь Варшавскій особенно настаивалъ на утвержденіи за нами Карсскаго пашалыка. *П. Ш.*

деніи моихъ главныхъ и достойныхъ сотрудниковъ — генераловъ Толя, Палена, Рота, Ридигера, Красовскаго и Киселева.

Для перваго, который всегда и во всемъ былъ моимъ главнымъ помощникомъ и лучшимъ другомъ и который, принося всякое самолюбіе въ жертву своему долгу, исполнялъ его самымъ достойнымъ образомъ,— осмѣлюсь просить св. Георгія второй степени, по примѣру Коновницына, который получилъ этотъ орденъ за кампанію 1812 года. Той же награды осмѣлюсь просить и для генерала Рота, выигравшаго блестящія сраженія 31 мая при Камчикѣ и Месемвріи и выказавшаго величайшее усердіе при Сливнѣ и въ дѣлахъ какъ до, такъ и послѣ взятія Адріанополя; мнѣ кажется, что его заслуги могутъ не только сравняться, но даже превосходятъ заслуги многихъ генераловъ, удостоенныхъ этимъ орденомъ милостью вашихъ августѣйшихъ предковъ. Если же В. В. не соизволите пожаловать ему этой награды, то я просилъ бы для этаго генерала титулъ графа, хотя признаюсь, что орденъ св. Георгія второй степени я считалъ бы самою достойною наградою для воина, который—несмотря на личные недостатки, которыя я никогда не буду защищать—представилъ блестящія доказательства величайшей храбрости, покрытъ ранами и удостоенъ св. Георгія третьей степени еще въ достославную кампанію 1812 года. Графъ Паленъ не имѣлъ случая участвовать въ дѣлахъ, начиная съ битвы при Кулевчѣ, которую началъ и окончилъ вторый пѣхотный корпусъ; служа всегда примѣромъ честности, отличаясь исполнительностью, всегда при своихъ войскахъ, несмотря на почти постоянные недуги,—этотъ достойный генералъ вполнѣ заслуживаетъ милости В. В-ва, и я осмѣливаюсь просить для него алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго съ лестнымъ рескриптомъ. Для генералъ-лейтенанта Ридигера—Владиміра первой степени, за блестящія дѣла при Айдосѣ и при Сливнѣ, которыя онъ рѣшилъ сразу,—если В. И. В. не пожелаете произвести его въ слѣдующій чинъ.

Наконецъ, для Красовскаго осмѣлюсь просить ленту св. Александра Невскаго, за его дѣло передъ Шумлою, гдѣ онъ нѣсколько разъ отбивалъ атаку великаго визиря, причинивъ ему значительныя потери; и для Киселева, который не имѣлъ случая отличиться, но за то превосходно выполнилъ трудную задачу прикрытія княжествъ. Не благоугодно ли будетъ В. В. удостоить той же награды и генерала Сухозанета по его возвращеніи въ Петербургъ; онъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы принять участіе въ кровопролитныхъ дѣлахъ при началѣ кампаніи, но успѣшно выполнилъ данное ему назначеніе, дѣйствовалъ прекрасно при преслѣдованіи въ Сливнѣ и въ Демотикѣ и заслужилъ вполнѣ одобреніе столь требовательнаго начальника, каковъ генералъ Роттъ.

Повергая съ полною откровенностью на благоусмотрѣніе В. В-ва мои мысли о награжденіи моихъ главныхъ и вѣрныхъ сотрудниковъ, осмѣливаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ просить В. В-во разрѣшить мнѣ, по выполненіи первыхъ статей мирнаго трактата, представить къ наградѣ многихъ

лицъ второстепенныхъ чиновъ, которыя постоянно обнаруживали примѣрное усердіе въ безчисленныхъ трудностяхъ этой тяжелой кампаніи и которыя не на столько отличились въ томъ, или другомъ сраженіи, чтобы подлежать наградѣ тутъ же на полѣ битвы.

Графы Орловъ и Паленъ припадаютъ къ стопамъ В. В-ва.

Я чрезвычайно доволенъ усердіемъ, умѣніемъ, открытымъ и честнымъ поведеніемъ графа Орлова. Графъ Ѳедоръ Паленъ точно также отличается усердіемъ и исполнительностью.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь. 3-го октября 1829, въ полночь.

Въ то время, какъ я отправлялъ фельдъегеря, я получилъ письмо В. В-ва отъ 22-го сентября съ новыми милостями, которыя совершенно неожиданно простираете на меня В. В. Сознавая вмѣстѣ съ чувствами глубочайшей признательности всѣ обязанности, которыя онѣ на меня налагаютъ, я молю Бога, чтобы Онъ, по Своей неизрѣченной милости, далъ мнѣ силы выполнить ихъ, по крайней мѣрѣ хоть частью во время моей будущей службы, и чтобы миръ, одобренный столь явно В. В-мъ, отличался самымъ пріятнымъ для вашего сердца качествомъ — долголѣтіемъ. Въ этомъ смыслѣ меня весьма успокоиваетъ выборъ Орлова; съ этой же точки зрѣнія я осмѣливаюсь просить В. И. В. не отказать султану Махмуду въ томъ удовольствіи, которое доставило бы ему посольство его зятя къ В. И. В. Для его самолюбія и для благихъ намѣреній, которыя онъ связываетъ съ этимъ посольствомъ, этотъ отказъ причинилъ бы ему, по моему мнѣнію, кровную обиду; издержки Порты для этой цѣли могли бы быть щедро вознаграждены прощеніемъ 6 милліоновъ дукатовъ; наконецъ, В. В-во, я осмѣливаюсь просить объ этомъ съ тою полною откровенностью, которую вы внушали мнѣ съ 1-го января 1826 и которая съ каждымъ днемъ увеличивалась, благодаря вашей безграничной милости, — откажитесь съ достойнымъ васъ милосердіемъ отъ униженія побѣжденнаго врага уничтоженіемъ флота, что умалитъ и уронитъ его въ глазахъ подданныхъ, между тѣмъ какъ вы можете создать флотъ въ два года безъ особенно большихъ издержекъ.

Столь великодушный даръ можетъ возбудить только благодарность благомыслящей Европы и въ особенности самихъ Оттомановъ, которыхъ вы поддержите тѣмъ самымъ на ихъ колеблющемся престолѣ.

Если въ то же время послѣдуетъ приказаніе очистить княжества, Государь, то это еще больше увеличитъ эти чувства благодарности. Понятно, что это можетъ случиться только послѣ полной уплаты торговыхъ убытковъ; доходы, которые причитаются султану съ княжествъ, могли бы, по крайней мѣрѣ, отчасти идти въ уплату оставшихся 5 милліоновъ дукатовъ, и я совершенно согласенъ, что въ военномъ отношеніи вполнѣ достаточно, какъ гарантіи, Силистріи, Кюстенджи и Сатуновскаго предмостнаго укрѣпленія; но повторяю еще разъ откровенно В.

В-ву, что я не понимаю выгодъ отъ занятія Карса и Батума въ такой мѣрѣ, чтобы они могли измѣнить завѣдомый смыслъ заключеннаго и ратификованнаго мира, и опасаюсь, что подобное требованіе умалитъ въ значительной степени великодушный характеръ мира.

Не желая задерживать курьера, который долженъ отправиться сегодня вечеромъ, я начну съ завтрашняго дня съ графомъ Паленомъ и Орловымъ составленіе болѣе подробнаго донесенія и безъ замедленія представлю его В. И. В.

Повергаю къ стопамъ вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, глубочайшую признательность мою за награды, пожалованныя моимъ достойнымъ товарищамъ по оружію и въ особенности за Толя, Чевкина и Зурова.

Нездоровье Е. В. Государыни Императрицы возбудило въ насъ сильнѣйшее безпокойство; слава Богу, что оно прошло.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—8-го октября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Подробныя депеши къ графу Нессельроде и сверхъ того записка, посланная ему въ частномъ письмѣ, представятъ, В. И. В., результаты моихъ совѣщаній съ уполномоченными, убѣжденія которыхъ я вполнѣ раздѣляю. Я представляю ихъ съ полною откровенностью В. И. В., будучи убѣжденъ, что, если вы ихъ не одобрите, Государь, то вы признаете однако за нашими мнѣніями, можетъ быть и ошибочными, усердіе, которымъ мы руководствовались. Кажется, что Диванъ рѣшился, наконецъ, поспѣшить немного болѣе выполненіемъ своихъ обязательствъ и что наша твердыя и основанныя на буквѣ трактата деклараціи открыли, наконецъ, глаза этимъ неподвижнымъ людямъ. Утверждаютъ однако, что султанъ, довольный разсказомъ Ахмеда-бея о томъ, что онъ слышалъ и видѣлъ здѣсь, а можетъ быть менѣе удовлетворенный духомъ, царствующимъ среди Албанцевъ, самъ продиктовалъ ноту Дивана къ Турецкимъ уполномоченнымъ, которые выражаютъ большое довѣріе нашей честности. Это важный шагъ, и я разсчитываю очень, что Орловъ можетъ окончить или, по крайней мѣрѣ, направить это дѣло; но, чтобы выиграть его, я снова умоляю В. В. не отказывать въ пріемѣ Галиль-пашѣ, который своимъ вліяніемъ на Хозревъ-пашу и даже на самого султана можетъ сдѣлаться весьма полезнымъ орудіемъ для нашихъ интересовъ въ Константинополѣ, оставаясь въ то же время вѣрнымъ слугою своего государя.

Такъ какъ первые 100,000 дукатовъ находятся уже въ дорогѣ и вѣроятно уже въ нашемъ районѣ и такъ какъ для Сербіи изданъ гатишерифъ, то полагаю, что мнѣ скоро представится возможность оставить Адріанополь, ибо надѣюсь, что Турки не замедлятъ сдать Журжево, когда великій визирь (человѣкъ, который, несмотря на свою храбрость, стоитъ ниже всякой посредственности и которому уже двѣ недѣли

назадъ султанъ велѣлъ сдать эту крѣпость) получитъ отъ Турецкихъ уполномоченныхъ весьма убѣдительныя заявленія, и особенно послѣ настойчивыхъ декларацій, которыя ему предложитъ Красовскій, и извѣстій, что Албанскія надежды, которыя онъ возлагалъ на Мустафу-пашу, уменьшились уже на двѣ трети, такъ какъ войска разбѣжались, чтобы возвратиться домой, какъ только они замѣтили, что ихъ паша былъ вынужденъ остановиться.

Съ нетерпѣніемъ жду также времени отправки войскъ, необходимой, какъ въ виду возвращенія, такъ и помѣщенія ихъ на зимнія квартиры, тѣмъ болѣе, что къ несчастію обнаружились нѣкоторые симптомы заразы въ Айдосѣ и даже въ Бургасѣ. Нужны власть и военная сила, чтобы подавить её въ самомъ зародышѣ, и всѣ предписанныя мѣры будутъ имѣть значеніе только при ихъ содѣйствіи; сверхъ того, будетъ обращено особенное вниманіе на сообщеніе страны съ портами. Прибывъ въ наши квартиры, я надѣюсь, съ помощью Божіею, остановить зло, но для этаго недостаточно ни Болгарскихъ, ни Турецкихъ властей.

Начавшіеся холода и продолжающаяся засуха снова усилятъ болѣзни. Я условился съ Турецкими властями такъ, чтобы можно было оставить здѣсь большій госпиталь, ибо городскія казармы, которыя мы вслѣдствіе этаго приводимъ еще въ порядокъ, составляютъ единственное удобное помѣщеніе въ этой мѣстности. Больные, которые окажутся у насъ во время зимовки, будутъ помѣщены въ полковые лазареты; я разсчитываю въ этомъ случаѣ на содѣйствіе нашихъ полковыхъ командировъ и кромѣ того присмотрю за этимъ самъ.

Графъ Петръ Паленъ, въ прекрасныхъ качествахъ котораго я убѣждаюсь все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, желаетъ лишь на берегахъ Дуная воспользоваться отпускомъ, даннымъ ему В. И. В.; онъ проситъ позволенія будущею весною отправиться въ Карлсбадъ. Онъ и Орловъ повергаютъ къ стопамъ В. И. В. глубочайшую благодарность за милостивую память о нихъ.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ—13-го октября 1829.

Прошло уже нѣсколько дней, любезный другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваши два письма отъ 24-го сентября. Не могъ отвѣтить раньше, чтобы не торопиться рѣшеніемъ, требующимъ зрѣлаго обсужденія и основательныхъ всестороннихъ соображеній. И такъ послѣдній курьеръ снабдилъ васъ инструкціями, которыя составляютъ середину

Il y a déjà quelques jours, mon cher ami, que je suis en possession de vos deux lettres du 24 septembre. Je n'ai pu y répondre plus tôt pour ne pas hater une décision qui exigeait de mures reflexions et toutes sortes de graves considérations. En résumé il se trouve que vous êtes déjà muni par le dernier courier d'instructions qui font le milieu

между тѣмъ, что̀ я не согласенъ оставить, и вашими желаніями. То, что сообщаетъ вамъ сегодня Нессельроде, еще точнѣе опредѣляетъ мысли, заставившія меня настоивать на моемъ рѣшеніи. Сущность дѣла заключается въ томъ, чтобы уничтожить малѣйшій поводъ обвинять насъ въ недобросовѣстности; способъ, которымъ мы замѣняемъ первоначальный проэктъ гарантій, въ военномъ отношеніи даетъ намъ тѣ же выгоды, какъ если бы мы сохранили княжества, которыя въ дѣйствительности остаются для насъ открытыми, лишь только мы захотимъ войти туда по какому бы то ни было болѣе или менѣе вѣскому основанію. Что же касается до вознагражденія военныхъ издержекъ, то на это я мало разсчитываю, и взамѣнъ этого предпочитаю тѣ средства, предложить которыя я васъ уполномочилъ.

Дозволивъ вамъ только въ крайнемъ случаѣ допустить пріѣздъ Турецкаго посла, прибавляю, что это должно имѣть мѣсто только тогда, если окажется невозможнымъ дѣйствовать иначе, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ здѣсь чтобы просить, какъ Хозревъ-Мирза, о смягченіи условій, и безъ того достаточно мягкихъ.

Сердечно одобряю ваше рѣшеніе касательно Скодрійскаго паши, и, ежели потребуется, дайте ему хорошій урокъ. Этаго еще недоставало для необычайности.

Радуюсь, что вы раздѣляете мысль воспользоваться возвращающимися дивизіями для комплектованія тѣхъ, которыя вамъ оставляю; но

---

entre ce que je ne pouvais consentir à conserver et ce que vous desirez. Ce que Nesselrode vous communique aujourd'hui, précise encore mieux les raisons qui me font persister dans mes résolutions. L'essentie est d'oter jusqu'au prétexte de nous taxer de mauvaise foix; et la manière dont nous remplaçons le premier projet de garantie nous donne militairement les mêmes avantages que si nous gardions les principautés, qui nous restent de fait ouvertes, dès que nous devrions y rentrer pour quelque raison majeure. Quant aux frais, je n'y compte que faiblement, et les moyens d'équivalents que je vous ai autorisé d'offrir sont en tout préférables.

Vous ayant déjà autorisé en cas de necessité absolue de faire arriver l'Ambassadeur Turc, je n'ajouterai que cela ne doit être qu'à l'impossibilité de faire autrement, d'autant plus qu'il ne serait ici que pour demander comme Hozref-Mirza, des soulagements aux conditions assez douces sans cela.

J'approuve parfaitement vos résolutions à l'égard du Pacha de Scodra et s'il le faut, donnez lui une bonne leçon. Cela manquerait encore pour l'extraordinaire.

Je suis charmé que vous goutiez l'idée de tirer des divisions qui retournent ce qu'il faut pour completter celles que je vous laisse; mais ayez soin à ce que tous les décorés restent dans leurs anciens régiments

позаботьтесь, чтобы всѣ награжденные знакомъ военнаго ордена остались бы въ прежнихъ полкахъ, для образованія кадровъ, дабы поддержать духъ полка. Я весьма озабоченъ этимъ возвращеніемъ войскъ и, право, не знаю еще, какъ мы подвергнемъ ихъ карантину, пока въ Бессарабіи свирѣпствуетъ почти повсемѣстно чума.

Нейтгардъ здѣсь и принимаетъ на себя порученіе; но при всей честности его, я не удивлюсь, что онъ согласіемъ своимъ приноситъ мнѣ тяжелую жертву; лишенный счастія участвовать въ блистательной кампаніи, онъ долженъ замѣнить другаго при обстоятельствахъ почти столь же затруднительныхъ, но менѣе славныхъ. Онъ по-прежнему слабаго здоровья, и я опасаюсь, что онъ прибудетъ къ вамъ только для пополненія лазарета главной квартиры. Ваша мысль относительно Красовскаго прекрасна; съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего рѣшенія, которое сдѣлаетъ безполезнымъ отъѣздъ Нейтгарда.

Жена вамъ кланяется, любезный другъ, она оправляется отъ болѣзни, окончившейся совершенно благополучно.

Посылаю, любезный другъ, нѣсколько новыхъ медалей въ память войны, которую вы такъ славно окончили; возложите ее на себя; она достойна васъ, а вы достойны ея. Какъ только ихъ будетъ побольше, я пришлю вамъ еще.

Навсегда вамъ искренно доброжелательный Николай.

Поклоны Палену и Орлову.

---

et en fassent le cadre pour conserver l'esprit du régiment. Ce retour de troupes me préocupe beaucoup et en vérité je ne sais trop encore comment nous ferons, pour leur faire passer les quarantaines, tandis qu'en Bessarabie la peste règne presque partout.

Neithard est ici et accepte la mission; mais comme tout homme d'honneur qu'il est, je ne puis lui en vouloir qu'il ne le fasse que comme un peinible sacrifice pour moi; car privé d'avoir fait la belle campagne, il va faire le remplaçant dans un temps peut-être aussi difficile, mais bien moins glorieux. Sa santé est toujours chancelante et je crains bien qu'il ne vous arrive que pour augmenter le lazaret du quartier général. Votre idée de Krassofsky était excellente et j'attends impatiemment de savoir si vous vous y serez décidé, ce qui rendrait de départ de Neithard inutile.

Ma femme vous dit mille choses, mon cher ami; elle se remet de son accident, fort heureusement passé.

Voici, mon cher ami, quelques exemplaires de la nouvelle médaille pour la campagne que vous venez de finir si glorieusement; décorez vous en, elle est digne de vous et vous êtes digne d'elle. Sitôt qu'il n'y aura plus, je vous en ferai passer.

Tout à vous pour la vie, votre sincérement affectionné Nicolas.

Mille choses à Pahlen et Orloff.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—18-го октября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Представляя В. И. В. Турецкія рати, фикаціи Адріанопольскаго трактата черезъ посредство вице-канцлера-осмѣливаюсь назвать достойнымъ милостей В. В. полковника Будберга, который довезетъ ихъ до карантина и тамъ позаботится о нихъ. Этотъ офицеръ служилъ съ большимъ отличіемъ въ кампаніяхъ Персидской и Турецкой подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа, фельдмаршала графа Витгенштейна и моимъ; кромѣ того, онъ превосходно исполнилъ полудипломатическую миссію въ Вѣну, которую я поручалъ ему послѣ битвы при Кулевчѣ, и въ Константинополь, съ цѣлью разъясненія неправильныхъ требованій Скодрійскаго паши и ускоренія ратификаціи.

Теперь я ожидаю каждый день извѣстія о занятіи Журжева, ибо полагаю, что великій визирь въ состояніи по-прежнему замедлять дѣла, хотя я этаго все-таки опасаюсь вслѣдствіе личныхъ связей визиря со Скодрійскимъ пашею, послѣ заявленій покорности послѣдняго и новаго султанскаго фирмана, который я поддержалъ своею весьма рѣшительною декларацію, состоящею въ томъ, что отрядъ генерала Киселева (который сильно затрудняетъ сообщенія Турокъ съ Шумлою и подвозъ продовольствія) не покинетъ Габрова, а я Адріанополя, пока не получится извѣстіе о сдачѣ Журжева. Послѣ этой сдачи генералы Гейсмаръ, Киселевъ и Красовскій прикажутъ начать отступленіе за Дунай, при чемъ послѣдній останется съ 10-ю и 11-ю дивизіями и одною гусарскою бригадою между Балканами и Дунаемъ, преимущественно въ Варнѣ и Силистріи, занявъ козаками линію отъ Ченги, Енибазара къ Туртукаю. Я самъ оставлю Адріанополь, чтобы расположить войска на зимнія квартиры, оберегая съ помощью козаковъ полукругъ, начиная съ Ченги, Доброля. Казана, Эски-Загры, Енаджели, Буюкъ-Дербента и кончая Василико и Ахтеболемъ.

Я все еще полагаю, что первое время пробуду въ Сливнѣ, несмотря на многія неудобства и на извѣстіе, что зараза въ Ахіолѣ была остановлена въ загородномъ госпиталѣ и больше не распространяется, и что опасенія относительно Бургаса окончились однимъ смертнымъ случаемъ, благодаря строгимъ мѣрамъ генерала Головина. Я командировалъ туда генерала Рота, для усиленія принятыхъ мѣръ предосторожности, и потому надѣюсь, что съ помощью Божіею зло будетъ остановлено.

Въ Адріанополѣ, какъ въ единственномъ удобномъ для этаго мѣстѣ, я оставлю большій госпиталь, который будетъ здѣсь находиться въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ плохихъ деревняхъ этой страны. Генералъ Паленъ, который съумѣлъ, какъ начальникъ, пріобрѣсти довѣріе властей и жителей этаго города, помѣстился съ однимъ баталіономъ 36-го егерскаго полка и 6000 больныхъ въ большихъ казармахъ около Эски-Сарая, приспособивъ ихъ, насколько позволяли обстоятельства. Это сдѣла-

но съ согласія Турецкихъ уполномоченныхъ, которые признаютъ въ этомъ большое довѣріе и сообща съ мѣстными властями прилагаютъ къ устройству этаго дѣла всевозможныя старанія, на сколько позволяетъ свойственная имъ мусульманская флегма.

Перевозка значительнаго числа больныхъ въ такое время года, когда начинаются дожди, имѣетъ огромныя неудобства и по плачевнымъ примѣрамъ прошлаго года ознаменуется страшною смертностью; съ другой стороны, мы не знаемъ, куда помѣщать больныхъ, въ виду настоятельныхъ просьбъ князя Воронцова непосылать ихъ ему морскимъ путемъ; но весною, съ марта мѣсяца, придется начать эту перевозку моремъ и, конечно, было бы весьма полезно воспользоваться для этой цѣли частью нашего флота.

Тотчасъ, послѣ занятія Журжева и пріѣзда Бутенева, графъ Орловъ отправится въ Константинополь, чтобы исполнить возложенное на него В. В. порученіе, и начать переговоры относительно возможныхъ перемѣнъ для гарантій и военнаго вознагражденія.

Я имѣлъ несчастіе получить извѣстіе, что въ Силистріи обнаружилось нѣсколько случаевъ чумы; гарнизонъ выступилъ тотчасъ въ лагерь и не понесъ еще потерь; но мнѣ передаютъ, что и флотилія находится въ опасности.

Извѣстія изъ Валахіи и Болгаріи болѣе успокоительны, и, кажется, въ Яссахъ зло не такъ велико, какъ опасались въ началѣ.

Весь 2-й армейскій корпусъ находится уже въ походѣ, за исключеніемъ 4-й пѣхотной дивизіи, которая тотчасъ выступитъ послѣ занятія Журжева; надѣюсь, что весь корпусъ прибудетъ въ декабрѣ къ окрестностямъ Тульчина; но осмѣливаюсь просить В. В. расположить его тамъ на зимнія квартиры до мая мѣсяца; зимній походъ и внезапная перемѣна климата можетъ имѣть пагубныя послѣдствія и совершенно уничтожить уже столь слабые кадры храбрецовъ, назначенныхъ для того, чтобы вдохнуть въ ихъ молодыхъ товарищей чувства долга и усердія, которыя они выказали и унаслѣдовали въ свою очередь отъ слабыхъ остатковъ участниковъ предшествовавшей войны; 8-я дивизія двинется также тотчасъ послѣ сдачи Журжи и вскорѣ присоединится къ своему корпусу. Графъ Петръ Паленъ будетъ сопровождать ихъ до Дуная; выдержавъ здѣсь карантинъ, отправится въ Петербургъ, гдѣ онъ, вѣроятно, попроситъ у В. В. отпуска на воды, которыя ему весьма необходимы.

Графъ Орловъ припадаетъ къ стопамъ В. В.; надѣюсь, что онъ достойнымъ образомъ выполнитъ порученіе, возложенное на него довѣріемъ В. В-ва.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ.—29-го октября 1829.

Уже нѣсколько дней прошло, любезный другъ, какъ я получилъ ваше письмо отъ 8-го числа. Я вполнѣ ознакомился съ запискою, которую вы

намъ доставили, и вы уже получили, и еще получите съ этимъ курьеромъ распоряженія, къ вашимъ предложеніямъ близко подходящія. Предложеніе принять Галиль-пашу совершенно основательно, также какъ и способъ вести переговоры съ Турками, дабы достичь желаемыхъ нами перемѣнъ. Но весьма необходимо стараться, по возможности привести все къ окончанію у васъ, или чрезъ Орлова, а ежели дѣло коснется особенно важныхъ предметовъ—черезъ Галиль-пашу; Богу извѣстно, къ чему все это привести насъ можетъ. Сущность дѣла требуетъ, чтобы, ничего не портя, стараться—какъ можно скорѣе окончить. Любезнѣйшій сэръ Артуръ дѣйствуетъ позорнѣе, чѣмъ когда-либо; будучи обманутъ Полиньякомъ, на котораго онъ разсчитывалъ, онъ взбѣшенъ на него. Все-таки у насъ впереди восемь мѣсяцевъ, впродолженіе которыхъ онъ не можетъ предпринять ничего серьёзнаго, въ случаѣ если ему придетъ фантазія, что считаю возможнымъ, ежели не воспрепятствуютъ ему затрудненія въ парламентѣ.

Искренно одобряю вашъ способъ эвакуаціи, но въ это время года невозможно будетъ подвергнуть войска всѣмъ необходимымъ правиламъ карантина, и нужно удержать вторый и третій эшелоны въ Молдавіи, вѣроятно, до марта, или апрѣля. Предосторожности день-ото-дня становятся насущнѣе; печальное доказательство этаго у васъ, и у насъ въ Одессѣ, гдѣ чума началась съ новою силою, послѣ того какъ къ не-

---

Il y a déjà plusieurs jours, mon cher ami, que je suis en possession de votre lettre du 8. Je me suis bien mis au fait du mémoire que vous nous avez transmis, et vous aurez déjà reçu et recevez encore par ce courrier ci des dispositions qui s'approchent beaucoup de vos propositions. Celle d'accepter Halil Pacha est parfaitement juste ainsi que le mode de traiter avec les Turcs pour les changements que nous desirerions. Mais il est bien essentiel de tacher de terminer le plus possible chez vous ou par Orloff et si l'on s'en remet pour les objets principaux à Halil Pacha; Dieu sait où cela peut encore nous mener. L'essentiel est donc sans rien gâter de tacher de terminer le plus tôt possible. L'aimable sir Arthur agit d'une manière plus infâme que jamais, dupé par Polignac, sur lequel il comptait, il en est furieux. Cependant nous avons huit mois devant nous, pendant lesquels il ne pourra rien encore entreprendre de sérieux, si la fantaisie lui en venait ce que je ne regarderai pas comme impossible, si les embarras du parlement ne l'en empèchent.

J'approuve complètement votre mode d'évacuation, mais dans cette saison il sera presqu'impossible de faire subir aux troupes toutes les règles indispensables de quarantaine, et il faudra retenir le second et le troisieme échelon en Moldavie probablement jusqu'au mars ou avril. Les précautions deviennent de jours en jours plus essentielles; vous en avez la triste preuve chez vous et nous à Odessa, où la peste a repris avec

счастью сняли кордонъ, что заставляетъ меня сильно опасаться заразы въ другихъ мѣстахъ ближе къ Бугу. Она показалась также на «Флорѣ» въ Севастополѣ, вслѣдъ за ея возвращеніемъ. Грейгъ постоянно увѣряетъ, что это неправда; но мнѣ надоѣли эти глупости, и я съумѣю заставить уважать мои приказанія до послѣдней минуты моей жизни. Моя отвѣтственность передъ Богомъ, передъ моею страной и передъ совѣстью слишкомъ велика, чтобы я могъ забывать свои обязанности.

Моя жена здорова и вамъ кланяется, любезный другъ, а я васъ обнимаю, навсегда вашъ искренно доброжелательный Николай.

Поклоны Палену и Орлову, который, вѣроятно, уже уѣхалъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь—31-го октября 1829.

На другій день послѣ отправленія послѣдняго курьера, я получилъ депеши отъ г. Ройера, которыя кажутся мнѣ настолько важными, чтобы немедленно отправить ихъ В. И. В. Онѣ содержатъ неожиданное извѣстіе о томъ, что, несмотря на все то, что я велѣлъ передать Портѣ о миссіи Галиль-паши, и послѣ того, какъ она извѣстила, что будетъ ожидать пріѣзда графа Орлова, она вдругъ постановила въ полномъ собраніи Дивана немедленно отправить Галиль-пашу въ Одессу, и что онъ садится уже на корабль; притомъ онъ облеченъ званіемъ чрезвычайнаго посла, въ отвѣтъ на назначеніе графа Орлова.

Очень жаль,что генералъ Мюффлингъ возбудилъ это дѣло и посовѣтовалъ отправить посольство, не спросивъ насъ; я могу хвалить только твердость, съ которою Ройеръ говорилъ въ этомъ случаѣ; но такъ какъ весьма вѣроятно, что султанъ не обратилъ вниманія на его протестъ, и Галиль-паша, можетъ быть, уже уѣхалъ, то я тороплюсь предупредить графа Воронцова курьеромъ о ходѣ этаго дѣла, чтобы онъ задержалъ этихъ господъ приличнымъ образомъ въ карантинѣ, что дастъ возможность снабдить его необходимыми инструкціями относительно дальнѣйшаго хода дѣла, соотвѣтственно съ указаніями В. И. В.

---

une vigueur nouvelle, après que malheureusement l'on avait déjà retiré le cordon, ce qui me fait bien craindre la contagion dans d'autres points plus près du Boug. Elle s'est aussi montrée à bord de la Flore à Sevastopol, au moment où elle rentrait. Greig vient toujours soutenir que cela ne l'est pas, mais moi je suis las de pareilles sottises, et saurais faire respecter mes ordres, jusqu'aux derniers instants de ma vie; ma responsabilité envers Dieu et mon pays et ma conscience, est trop forte, pour que je puisse oublier mes devoirs.

Ma femme va bien et vous fait dire mille choses, mon cher ami. Moi je vous embrasse étant pour la vie votre sincérement affectionné.

Nicolas.

Mille choses à Pahlen et Orlof, que j'espère parti à l'heure qu'il est.

Если тѣмъ временемъ эти господа не встрѣтятъ пріема, который, какъ говорятъ, готовятъ Орлову, то это произойдетъ по ихъ собственной винѣ. Что же касается требованій и просьбъ, которыя можетъ представить Галиль-паша, то мнѣ кажется, что можно бы внушить ему, во время его пребыванія въ карантинѣ, что рѣшеніе ихъ будетъ всецѣло зависѣть отъ успѣха переговоровъ съ Турками, которые возложены на графа Орлова, причемъ несообщать ему ничего относительно ихъ содержанія. Въ то же время мы приложимъ всевозможныя старанія, чтобы узнать здѣсь данныя ему инструкціи и сообщить ихъ вице-канцлеру.

Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ В. И. В. отъ имени храброй арміи, которую вы удостоили ввѣрить мнѣ—нашу глубочайшую и вѣрноподданническую признательность за медаль, установленную въ память этой войны.

Удостойте также, Государь, принять личныя выраженія чувствъ вѣрнаго слуги, который гордится, что не уступаетъ никому изъ милліоновъ вашихъ подданныхъ въ неизмѣнной преданности за столь многія выраженія милости и благоволенія, исходящія изъ вашего сердца,—я чувствую это—и которыя для моего составляетъ наибольшее вознагражденіе, стоящее превыше еще неизмѣримыхъ милостей, которыя В. В-во изволили распространить на меня.

Раздѣляя всецѣло взглядъ В. И. В. относительно того, что Нейдгардъ приноситъ великую жертву ради обязанностей службы, смѣю надѣяться, что Всеправедный и Всеблагій Богъ сохранитъ здоровье усерднаго и вѣрнаго слуги. Сверхъ того зимнее время года здѣсь менѣе опасно, въ особенности, если кто не ослабленъ лѣтними жарами.

Графъ Орловъ припадаетъ къ стопамъ В. И. В. Я получилъ пріятныя вѣсти о здоровьѣ обоихъ Паленовъ; но уже нѣсколько времени ничего не слыхалъ о Толѣ: онъ лежалъ больный въ карантинѣ въ Дубосарахъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адріанополь.—6-го ноября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Третьяго дня я получилъ, наконецъ, письмо отъ великаго визиря, съ извѣщеніемъ генерала Лашкарева о сдачѣ нашимъ войскамъ однихъ воротъ и двухъ бастіоновъ Журжи и о быстротѣ, съ которою Турки заботятся очистить ее. Эта сдача крѣпости, неподвергавшейся даже осадѣ, и гати-шерифъ султана относительно Сербіи, повелѣвающій возвратить ей требуемые ею округи, составятъ эпоху въ исторіи Оттоманской имперіи, ибо въ этомъ случаѣ, на сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ нарушаютъ законъ Магомета, который запрещаетъ безъ защиты уступать крѣпость.

Я счастливъ, что могу донести В. В. объ этомъ событіи, которымъ заканчивается исполненіе трехъ статей перваго періода эвакуаціи, такъ

какъ настоящее дурное время года требуетъ расположенія войскъ на зимнихъ квартирахъ. Я уже началъ это движеніе, на сколько оказалось возможнымъ, и оставилъ здѣсь напослѣдокъ только двѣ бригады 16-й дивизіи; послѣ завтра, 8-го, т. е. ровно три мѣсяца спустя послѣ оккупаціи, я оставлю Адріанополь съ этими двумя бригадами и моею главною квартирою, и перенесу ее въ Бургасъ, гдѣ зараза совершенно прекратилась, и тѣмъ сохраню послѣдніе остатки нашихъ госпиталей, которые много пострадали отъ августовскихъ и сентябрьскихъ засухъ и октябрьской и ноябрьской распутицы.

Въ тотъ же день, въ который произошла сдача Журжи, прибылъ Бутеневъ. Орловъ ѣдетъ послѣ завтра, чему я весьма доволенъ, потому-что мы нуждаемся въ представителѣ В. В-ва въ Константинополѣ. Но я не могъ послать его до прибытія Бутенева, ибо, вслѣдствіе болѣзней, которыя лишаютъ насъ чиновниковъ, я не въ состояніи даже дать ему переводчика. Болѣзненность къ несчастью не уменьшается и лишила насъ на дняхъ храбраго Прусскаго капитана Панцера, потерю котораго мы искренно оплакиваемъ. Маіоръ Вильдермецъ также болѣнъ, но неопасно, какъ только время и здоровье позволятъ ему, онъ поѣдетъ въ Константинополь, чтобы сѣсть на корабль.

Я позволилъ себѣ отправить съ депешами адъютанта графа Толстого, Муханова, который совершилъ со мною всю кампанію и, получивъ нѣсколько важныхъ командировокъ, обнаружилъ всюду примѣрное усердіе и отмѣнную доблесть. Надѣюсь, что онъ современемъ можетъ сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ и смыть своимъ поведеніемъ пятно, которое легло на его несчастномъ и преступномъ братѣ. Такъ какъ, будучи два раза посланъ къ графу Гейдену, онъ былъ въ Греціи, Смирнѣ и Константинополѣ, то мнѣ кажется, что, несмотря на задержку въ карантинѣ, его словесныя объясненія могутъ представить еще нѣкоторый интересъ. Препоручаю его милостямъ В. И. В-ва.

АДРІАНОПОЛЬСКІЙ МИРЪ
1829 ГОДА.
ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФА ДИБИЧА.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Бургасъ. 16-го ноября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Послѣ чрезвычайно труднаго перехода узкими дорогами, ужасно попорченными отъ дождей, со Странджинскихъ горъ, мы прибыли 14-го числа этого мѣсяца въ Бургасъ. Погода стояла ужасная. Къ счастью послѣдніе полки займутъ завтра въ Румеліи зимнія квартиры; но меня безпокоитъ движеніе втораго корпуса, тѣмъ болѣе, что графъ Паленъ остался по болѣзни въ Варнѣ, между тѣмъ какъ его начальникъ штаба умеръ здѣсь въ Бургасѣ. Продовольственные транспорты находятся по ту сторону Балканъ, и я оставлю ихъ тамъ, чтобы поправить лошадей и дождаться нѣсколькихъ сухихъ дней.

Дурная погода въ Румеліи причинитъ намъ большія затрудненія, для перевозки продовольствія, потомучто у насъ мало сѣна, такъ какъ здѣсь некосятъ его, а къ нашему приходу трава уже вся выгорѣла. Къ счастью большая часть деревень осталась цѣла и невредима, какъ бы въ мирное время, несмотря на всѣ передвиженія нашихъ войскъ; во время дороги это доставило мнѣ большое удовольствіе.

Мнѣ привезли въ Карабунаръ ключи отъ Журжи, и я счастливъ, что могу повергнуть этотъ послѣдній трофей кампаніи къ стопамъ В. В. черезъ моего адъютанта Барятинскаго, который поѣдетъ на Одессу, чтобы избѣгнуть двухъ карантиновъ. Осмѣлюсь препоручить милостямъ В. И. В. этаго отмѣнно усерднаго и весьма способнаго офицера.

Журжа занята Костромскимъ полкомъ, который будетъ смѣненъ однимъ изъ полковъ 17-й дивизіи. Я приказалъ срыть одинъ изъ бастіоновъ; къ окончательному срытію крѣпости приступятъ весною, въ видахъ облегченія работы. Всѣ Турецкіе жители вѣроятно уже покинули городъ.

Я засталъ здѣсь подполковника генеральнаго штаба Менде, котораго я посылалъ къ великому визирю съ подарками, назначенными ему В. В. Онъ остался этимъ очень доволенъ и отвѣтилъ мнѣ весьма вѣжливымъ

и дружественнымъ письмомъ. Менде былъ принятъ очень хорошо; ему показали всѣ окрестности крѣпости, которыя наши офицеры немогли снять до сихъ поръ; немедленно будетъ составленъ генеральный планъ, и я надѣюсь, что онъ выйдетъ удовлетворительный.

Изъ Константинополя неполучалъ никакихъ извѣстій. Тѣмъ временемъ прошелъ уже мимо фрегатъ «Blonde» [1] возвращающійся изъ Одессы; онъ остановился внѣ выстрѣла отъ брандвахты и вступилъ съ нею въ разговоръ; но оказалось, что они немогли понять другъ друга: одни неразумѣли по-Русски, а другіе говорили только на этомъ языкѣ. Между тѣмъ другаго бота небыло послано, и утромъ фрегатъ отправился къ Сизополю, гдѣ его непринялъ Соколовскій изъ санитарныхъ соображеній. Это непонятное распоряженіе Англійскаго посла въ Константинополѣ явилось вѣроятно прямымъ слѣдствіемъ ноты, которую Порта разослала союзнымъ посланникамъ уже послѣ заключенія мира, по очевиднымъ внушеніямъ сэра Гордона. Князь Ливенъ прислалъ мнѣ ее съ фельдъегеремъ Непрошцевымъ, который прибылъ ко мнѣ въ Килиджи-Клиссѣ; я отправилъ немедленно копію къ Орлову съ моимъ адъютантомъ Рудзевичемъ, прося его неспѣшить объявленіемъ великодушныхъ намѣреній В. В., до предварительнаго разъясненія обстоятельствъ, или полученія отъ меня депешъ, которыя я ожидаю каждый день изъ Петербурга, руководствуясь тѣмъ, что Ливенъ писалъ мнѣ объ отправленіи имъ въ то же время по этому поводу курьера; притомъ я предполагаю, что еще раньше прибудетъ курьеръ отъ графа Поццо.

Имѣю счастье присовокупить къ этому письму замѣтку о слухахъ изъ Турецкой главной квартиры, которые привезъ намъ полковникъ Менде. Особенно замѣчательнымъ показалось мнѣ въ ней надежды, которыя Турки возлагаютъ на три державы по очищенію нами княжествъ; ибо у насъ никто неэнаетъ намѣреній В. И. В. на этотъ счетъ. Я писалъ эти строки, когда наконецъ прибылъ курьеръ изъ Константинополя. Ройеръ пишетъ мнѣ въ длинномъ частномъ письмѣ— копію съ котораго я пошлю графу Нессельроде—то что мы знаемъ уже объ отправленіи фрегата «Blonde» и Халиль-паши въ Одессу. Онъ объясняетъ это странное поведеніе причудливымъ характеромъ сэра Гордона, но нехочетъ вѣрить, чтобы онъ имѣлъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ заднюю мысль. Незнаю, раскроетъ ли Орловъ эти дипломатическія тайны, но мнѣ кажется, что политика двухъ союзныхъ кабинетовъ должна быть уже извѣстна изъ заключеній Лондонскихъ протоколовъ. Небудучи въ состояніи судить объ этомъ раньше, я жду съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Петербурга, потомучто, если къ несчастью

---

[1] Фрегату «Blonde» разрѣшено было пройти Дарданелы (съ орудіями хотя и маскированными) еще до заключенія Адріанопольскаго мира. Турки смотрѣли на него какъ на предвѣстникъ Англійскаго флота, который освободитъ Черное море отъ Русскаго владычества. *Н. Ш.*

можно предвидѣть серіозный разрывъ союза 6-го іюля [2], то необходимо поспѣшить заблаговременнымъ принятіемъ нужныхъ мѣръ. Вмѣстѣ съ фельдъегеремъ изъ Константинополя прибылъ бимбаши-Хасаръ-бей изъ Шумлы съ очень любезнымъ письмомъ отъ великаго визиря, въ которомъ онъ сообщаетъ, что получилъ приказаніе выѣхать изъ Шумлы въ Адріанополь, и что вслѣдствіе даннаго ему мною обѣщанія позволить ему провести черезъ нашъ районъ отряды численностью не болѣе 2000 человѣкъ, онъ разсчитываетъ выступить съ десятью эшелонами, содержащими всего 15,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи и отправиться черезъ Карнабадъ и Ямболь въ Адріанополь. Онъ проситъ меня въ тоже время поручить кому нибудь закупку необходимыхъ продовольственныхъ припасовъ и фуража на его счетъ, чтобы избѣжать столкновенія съ жителями. Я полагаю возможнымъ исполнить это и вмѣсто платы я потребую съ него то, что мы покупаемъ теперь для Адріанопольскаго госпиталя.

Болѣзненность до сихъ поръ къ несчастію нисколько неуменьшается: лихорадки продолжаются, и сопровождающіе ихъ поносы сдѣлались еще болѣе смертельными вслѣдствіе дождей, перемежающихся со снѣгомъ и продолжающихся уже болѣе 15 дней. Надѣюсь, что перемѣна воздуха, съ помощью Божіею будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму графа Дибича отъ 16-го ноября 1829.

(Въ запискѣ заключаются свѣдѣнія относительно великаго визиря Решида-паши и мнѣній высшихъ лицъ его свиты, собранныя подполковникомъ генеральнаго штаба Менде, возившимъ въ Шумлу—обычные подарки великому визирю. послѣ обмѣна ратификацій Адріанопольскаго трактата.)

1) Въ Шумлѣ говорили, что великій визирь немедля выступаетъ съ бо́льшею частью регулярнаго войска и со всею артиллеріею изъ укрѣпленнаго лагеря, чтобы занять зимнія квартиры въ Адріанополѣ.

2) Согласно со мнѣніемъ великаго визиря и главнѣйшихъ лицъ его свиты, Мустафу-пашу Скодрійскаго обвиняли въ томъ, что онъ неоказалъ тѣхъ услугъ, которыхъ въ правѣ были ожидать отъ него впродолженіе послѣдней кампаніи, и неразумнымъ образомъ дѣйствій въ Филиппополѣ угрожалъ компрометировать Блистательную Порту. Полагаютъ, что султанъ Махмудъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы строго наказать его.

3) Кажется, Турецкое правительство недовольно Албаніею, которая до сихъ поръ непокорилась многочисленнымъ реформамъ султана

[2] Тройственный Лондонскій договоръ, заключенный между Россіею, Англіею и Франціею, 24 іюня (6 іюля) 1827 года. *Н. Ш.*

Махмуда. Офицеры главной квартиры Решида-паши нисколько нескрывали того, что необходимо было бы покорить эту провинцію и ея населеніе силою штыковъ (это было ихъ собственное выраженіе) и они предполагали, что эта экспедиція будетъ поручена великому визирю. Полагаютъ, что независимо отъ регулярныхъ вооруженныхъ силъ, которыми онъ располагаетъ, Решидъ-паша вполнѣ способенъ къ выполненію этой задачи, будучи самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этой части Турціи, неисключая даже Скодрійскаго паши.

4) Общественное мнѣніе въ Шумлѣ оправдываетъ султана Махмуда во всемъ, что онъ сдѣлалъ и предпринималъ для организаціи своихъ регулярныхъ войскъ. Всѣ согласны въ томъ, что регулярныя войска находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ иррегулярныя, и съ нѣкоторою увѣренностью предвидятъ, что будущее только можетъ укрѣпить и усовершенствовать учрежденія, въ которыхъ Турецкое правительство должно отнынѣ искать самой вѣрной и надежной поддержки. Между Турками находились даже такія лица, какъ главный интендантъ арміи и другіе важные чиновники, которые охотно излагали всѣ выгодныя послѣдствія, могущія отъ этаго произойти для могущества Оттоманской Имперіи. Они согласны въ томъ, что султанъ сдѣлалъ большую ошибку. обнародовавъ фирманъ, вызвавшій войну. Они соглашаются, что тогда требовало благоразуміе, подобно тому какъ и теперь, чтобы политика султана приносила всевозможныя жертвы, налагаемыя на нее иностранными державами, дабы выиграть время и упрочить начатое дѣло: они исчисляли мѣры, требуемыя настоящими внутренними обстоятельствами Турціи. Главною изъ такихъ мѣръ они ставили покореніе Албаніи и нѣкоторыхъ отдаленныхъ частей Малой Азіи, и приписывали большую важность необходимости ниспроверженія учрежденій, придающихъ большую силу корпораціи улемовъ. Они полагаютъ, что султанъ намѣренъ произвести переворотъ съ цѣлью уничтожить эту оппозицію, и казалось. готовы поддержать его въ этой новой борьбѣ. «Наилучшій духъ господствовалъ среди регулярныхъ войскъ, начальники были воодушевлены надеждою видѣть ихъ все болѣе и болѣе улучшающимися.

5) Ненависть противъ Греціи и Греческаго населенія Архипелага и Мореи была весьма сильна: на эту страну и на Европейское покровительство смотрятъ какъ на источникъ всѣхъ бѣдъ и несчастій, отъ которыхъ впродолженіе десяти лѣтъ страдала Турецкая имперія.

6) Великій визирь Решидъ-паша пользуется большею любовью и уваженіемъ среди своихъ войскъ; это человѣкъ откровенный, честный, очень храбрый, одаренный здравымъ смысломъ, необладая однако блестящимъ умомъ. Изо всего того, что можно было замѣтить въ Шумлѣ, ничто не оправдываетъ сомнѣній иногда высказываемыхъ относительно его вѣрности и честолюбивыхъ замысловъ на Албанію, за исключеніемъ только сильнаго желанія имѣть свиданіе съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

Онъ самъ и Махмудъ-ага, ренегатъ Саксонскій, самый близкій его довѣренный, неоднократно возбуждали этотъ вопросъ. Визирь непреминулъ настоивать на этомъ желаніи и прибавилъ, что находитъ свиданіе это необходимымъ, невыставляя конечно побудительныхъ причинъ, заставившихъ его такъ настойчиво просить объ этомъ.

Въ Шумлѣ распространено было мнѣніе, что Решидъ-паша останется великимъ визиримъ и что онъ сочувствуетъ системѣ реформъ, введенныхъ султаномъ Махмудомъ.

7) Появленіе Англійскаго фрегата «Blonde» въ Черномъ морѣ и его крейсерство вдоль западнаго берега этаго моря повидимому непредставляетъ собою единственной военной рекогносцировки, которую Англичане сочли нужнымъ исполнить; два офицера этой націи, рекомендованные великому визирю Англійскимъ посольствомъ, провели нѣсколько дней въ Шумлѣ и уѣхали съ намѣреніемъ посѣтить Кулевчу, Праводы и Варну.

8) Лица, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ великаго визиря, высказывали мнѣ, предположеніе, что Русская армія очиститъ Валахію и Молдавію прежде срока, назначеннаго Андріанопольскимъ миромъ, въ надеждѣ, что государи Англіи, Франціи и Австріи употребятъ всѣ усилія для принужденія Русскихъ отказаться отъ этаго права.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Бургасъ, 24-го ноября 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! Только вечеромъ 20-го числа, въ тотъ самый день, когда мы возносили передъ престоломъ Божіимъ наши горячія молитвы о Вашемъ Величествѣ, ко мнѣ явился послѣдній фельдъегерь и чрезъ него узналъ горестную вѣсть о серьезномъ нездоровьи В. И. В., къ счастью сопровожденную наилучшими надеждами врачей. Я слишкомъ вѣрю въ дарованныя Россіи милость и покровительство Всевышняго и въ искреннія и пламенныя молитвы милліоновъ вѣрныхъ и благочестивыхъ подданныхъ, чтобы нераздѣлять съ ними этихъ дорогихъ надеждъ; но мысль о продолжительности болѣзни и о множествѣ работъ, которыя могутъ накопиться для В. В., весьма печальна. Мы съ безпокойствомъ ожидаемъ вѣстей, обѣщанныхъ мнѣ Чернышевымъ. Да будутъ онѣ такія, какихъ мы просимъ у Господа въ нашихъ горячихъ молитвахъ.

В. В. увидите изъ моихъ депешъ ко графамъ Нессельроде и Чернышеву, что у насъ непроизошло ничего особенно интереснаго; отъ Орлова еще неполучалъ вовсе извѣстій, что я не совсѣмъ понимаю, несмотря на дурныя дороги этаго времени года.

Великій визирь къ счастью отказался отъ намѣренія идти со своими главными силами через Ямболь. Онъ отправитъ по этой дорогѣ только отъ 2,500 до 3.000 человѣкъ, и я думаю, что этимъ онъ немного вы-

играетъ; главныя силы пойдутъ на Тырново, а оттуда, вѣроятно, черезъ Габрово.

Здѣсь настоящая зима, но она скоро превратится въ ужасную грязь.

Я получилъ очень утѣшительныя вѣсти о вспомоществованіи, оказанномъ Турками для Адріанопольскаго госпиталя. Шумла почти совсѣмъ очищена, потомучто Гусейнъ также уходитъ, оставляя артиллерію большаго калибра среди насъ въ такой крѣпости, которая можетъ быть обороняема только большими силами — все это отличается повидимому отсутствіемъ враждебнаго характера; со своей стороны я увѣренъ, что Порта поддержитъ свои собственныя и наши выгоды, если Орлову удастся побѣдить преобладающее вліяніе, котораго достигъ человѣкъ посредственный, а именно посланникъ коварнаго и непонятнаго Лондонскаго кабинета.

Положеніе втораго корпуса, какимъ оно было въ Румеліи, о чемъ я посылаю донесеніе Чернышеву, основанное на рапортѣ Сулимы, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробности свое мнѣніе, — требуетъ настоятельно, чтобы новый корпусный командиръ былъ поддержанъ хорошимъ начальникомъ штаба. Габбе слишкомъ болѣзненъ, чтобы занять теперь это мѣсто; предстоитъ обратиться къ энергическимъ мѣрамъ. Я послалъ Мартынова помочь Красовскому собрать все разбросанное по дорогѣ, и надѣюсь, что потеря небудетъ велика, такъ-что мы вывеземъ все, кромѣ лошадей, павшихъ вѣроятно отъ истощенія силъ; безпорядокъ и въ особенности слабость со стороны главныхъ начальниковъ приводятъ меня въ отчаяніе.

Предшествовавшій фельдъегерь привезъ мнѣ новую милость—великолѣпный фельдмаршальскій жезлъ; пламенно желалъ бы носить его всегда, заслуживая Ваше августѣйшее благоволеніе. Еще въ Адріанополѣ я получилъ фельмаршальскія эполеты, но здѣсь только я узналъ, что это былъ также даръ В. И. В. Повергаю къ стопамъ Вашимъ, Государь, чувства моей искренней и вѣрноподданнической благодарности за эти новыя выраженія монаршаго благоволенія.

Припадаю къ стопамъ Е. В. Государыни Императрицы. Дай Богъ, чтобы ея августѣйшее здоровье, поправившееся такъ счастливо, не поколебалось отъ безпокойствъ, которыя она должна испытать въ настоящее время.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Бургасъ 30-го ноября, 1829.

Всемилостивѣйшій Государь! 13-го и 16-го числа сего мѣсяца фельдъегери привезли мнѣ радостныя вѣсти о здоровьи В. И. В. Возблагодаримъ Господа Бога и будемъ уповать на милосердіе Всевышняго и надѣяться, что слабость, которая всегда бываетъ послѣдствіемъ подобныхъ болѣзней, то же скоро исчезнетъ.

Вчера я получилъ приказаніе В. И. В. касательно отправки линей-

наго корабля въ Архипелагъ; сегодня я посылаю необходимыя приказанія контр-адмиралу Соколовскому и графу Орлову; но, судя по медленности, съ которой Турки относятся ко всѣмъ дѣламъ, я опасаюсь, чтобы Рибопьеръ неприбылъ къ намъ прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи отправить къ нему на встрѣчу корабль. Между тѣмъ будетъ очень хорошо получить и съ нашей стороны въ подобномъ дѣлѣ согласіе Турокъ, хотя впрочемъ я незнаю, будетъ ли выгодно для насъ приучать ихъ видѣть военный флагъ въ ихъ проливахъ, ибо, какъ извѣстно, привычка у Турокъ составляетъ все.

Здѣсь продолжается жестокая зима. Дороги ужасны. 8-ая дивизія и прежняя 9-ая должны были оставить почти весь свой обозъ въ Козлуджѣ и Базарджикѣ, чтобы непогубить окончательно остатокъ лошадей, которыхъ они и безъ того потеряли много вслѣдствіе ужасныхъ грязей въ концѣ октября и въ началѣ этаго мѣсяца. Все это будетъ приведено въ порядокъ, и я начинаю уже теперь подготовлять мѣры, которыя необходимо принять весною. Такъ какъ у насъ много сѣна въ Болгаріи, то я надѣюсь, что мы начнемъ перевозку его въ мартѣ мѣсяцѣ.

Извѣстіе о распредѣленіи нашихъ войскъ по квартирамъ въ Румеліи очень утѣшительны. Болѣзни прекращаются, состояніе войскъ хорошее; 12-я дивизія, размѣщенная въ портахъ, находится въ худшемъ положеніи.

Мы каждый день ждемъ великаго визиря въ Карнабадъ, черезъ который онъ проѣдетъ съ 1,000 чел. кавалеріи. Гусейнъ-паша прошелъ уже Сливно, пѣхота также начала недѣлю назадъ движеніе по Тырновской дорогѣ.

Въ Шумлѣ взорвало большій пороховый погребъ, по неосторожности нѣсколькихъ топджи; 2,000 ящиковъ съ порохомъ (по обыкновенной мѣрѣ около 10,000 пудовъ), 60,000 снарядовъ, большею частью снаряженныхъ и 40 полевыхъ орудій, которыя великій визирь образовалъ изъ резервовъ Шумлы, Адріанополя и Рущука и которыя должны были отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Адріанополь—все это было уничтожено при этомъ взрывѣ; говорятъ, что пушки совершенно расплавились отъ такаго жара. Вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣлъ также главный провіантскій магазинъ болѣе чѣмъ съ 10,000 мѣшками припасовъ. Можно теперь сказать, что защита Шумлы, гдѣ Турки оставили самый слабый гарнизонъ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, находится въ самомъ плачевномъ состояніи.

Извѣстія изъ Адріанополя хороши. Али-паша ведетъ себя весьма сдержанно, и нашъ госпиталь въ хорошемъ состояніи; но я съ прискорбіемъ долженъ донести В. В., что Прусскій маіоръ Вильдермецъ, прибывшій сюда уже больнымъ и слабымъ, умеръ послѣ изнурительной болѣзни; всѣ его вещи и бумаги я приказалъ отправить въ Прусское посольство въ Константинополь.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ 10 (22) декабря 1829.

Наконецъ, любезный другъ, благодаря Богу, я самъ могу отвѣчать вамъ на ваше письмо, которое получилъ вчера. Я почти совсѣмъ оправился отъ поразившей меня болѣзни, но милосердіе Божіе на этотъ разъ сохранило меня женѣ и дѣтямъ; чувствую только слабость въ ногахъ, однако, я сегодня могъ ѣздить верхомъ и слѣдовательно готовъ на службу. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, что вы избавились отъ лихорадки; это опасная болѣзнь вообще и въ особенности въ вашихъ краяхъ.

Подробности о походѣ 2-го корпуса очень печальны; однако сегодня я получилъ извѣстіе отъ Воронцова о вступленіи ихъ въ Бессарабію и что походъ и все остальное идетъ прекрасно. Сейчасъ же отправилъ Павла Палена, чтобы онъ былъ на мѣстѣ, и полагаю Веймарна дать ему начальникомъ штаба; это необходимый для него человѣкъ.

Немогу еще писать долго. Еще одно слово: переведите выздоравливающихъ съ той стороны Дуная въ войска, которыя остались при васъ, съ выключкой изъ прежнихъ полковъ; это будетъ для нихъ хорошимъ средствомъ избѣжать продолжительнаго пути въ такое дурное время года, а ваши войска приведетъ въ большій комплектъ. Навсегда вамъ доброжелательный Николай.

Жена вамъ кланяется.

Enfin, mon cher ami, me voilà, grâce au bon Dieu, en état de vous répondre moi même à votre lettre que j'ai reçu hier. Je suis presque rétabli en entier de la forte secousse que j'ai éprouvé, mais la miséricorde Divine, pour cette fois, m'a conservé à ma femme et à mes enfants; je n'ai plus que les pieds qui sont faibles; cependant j'ai pu aujourd'hui monter à cheval, ainsi готовъ на службу. Je suis impatient de vous savoir quitté de la fièvre; c'est un mauvais mal partout et surtout dans vos parages.

Les détails sur la marche du 2 corps sont des plus affligeants; aujourd'hui cependant j'ai eu des nouvelles par Woronzof de leur entrée dans la Bessarabie, que la marche et le reste allait fort bien. J'ai fait de suite partir Paul Pahlen pour être sur place et compte lui donner Weimarn pour chef d'état major; c'est l'homme qu'il lui faut.

Je ne puis encore écrire longtemps; un mot encore; faites entrer tous les convalescents d'au de là du Danube, dans les troupes qui sont restées avec vous, съ выключкой изъ прежнихъ полковъ; ce sera un bon moyen de leur épargner une énorme route dans une mauvaise saison et de vous mettte plus au complet. Tout à vous pour la vie Nicolas.

Ma femme vous dit mille choses.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

Петербургъ, 28-го декабря 1829.

Любезный другъ, ваше последнее письмо и пріятныя новости отъ Орлова весьма меня порадовали. После такаго начала можно вполне надеяться на достиженіе того, чт мы ожидаемъ отъ его миссіи. Надо ему отдать справедливость, что онъ началъ дело прекрасно; надеюсь, что онъ будетъ продолжать также. Новостей никакихъ здесь нетъ, также и въ политическомъ отношеніи. Дело выбора Греческаго государя еще некончено; однако кажется, что все голоса будутъ окончательно на стороне принца Кобургскаго; пора бы кончить, ибо все это неимеетъ смысла, почти также, какъ образъ действій Гильемино и Гордона, старающихся компрометировать Турецкихъ сановниковъ; мы увидимъ, куда это ихъ приведетъ.

Весьма радъ слышать, что болезни начинаютъ уменьшаться у васъ; чума въ Одессе и Бессарабіи прекращается, и я съ нетерпеніемъ жду известій изъ 2-го корпуса; получилъ ихъ изъ Бугской бригады, которая благополучно пришла въ Дубоссары и выдерживаетъ карантинъ. Морозы уменьшились, мы же имели въ свою очередь 27 градусовъ, почти безъ снега. Все спокойно и идетъ прекрасно, много веселятся; опасаюсь, что это неимеетъ места въ Бургасе и окрестностяхъ. Я былъ бы весьма радъ узнать, что васъ всехъ здесь нетъ, въ особенности васъ, любезный другъ, приносящаго мне тяжелую жертву,. но которую я умею ценить, будьте въ этомъ уверены. Прощайте, навсегда вамъ доброжелательный Николай. Жена вамъ кланяется.

Mon cher ami, votre dernière lettre et les bonnes nouvelles d'Orloff m'ont fait grand plaisir; il y a tout lieu d'espérer, aprés un début pareil à conclure ce que nous attendons de son envoi; il faut lui rendre justice qu'il s'est parfaitement bien près à ses premiers pas; j'espère qu'il continuera de même. Je n'ai rien de nouveau à vous dire d'ici, ni de la politique; l'affaire du choix du souverain pour la Grèce n'est pas encore terminée; cependant il parait que c'est le Pr. de Cobourg, qui en définitive réunira les suffrages; il est temps d'en finir, car tout cela n'a pas le sens commun; à peu près comme ce que fait Guilleminot et Gardon en faisant compromettre les dignitaires Turcs; nous verrons où cela les menera.

Je suis heureux d'apprendre que les maladies commencent à diminuer chez vous, la peste à Odessa et en Bessarabie commence à disparaitre et je suis fort impatient de savoir des nouvelles du 2 corps; j'en ai de la brigade du Boug, qui est heureusement parvenue à Doubossary, et y fait la quarantaine. Les froids avaient diminués; ici nous avons eu à notre tour 27 degrès et presque sans neige. Tout est tranquille et va fort bien et l'on s'amuse beaucoup; je crains qu'il n'en sait pas de même à Bourgas et environs et serais charmé de vous savoir tous dehors et surtout vous, mon cher ami, qui me portez un sacrifice peinible, mais que je sais apprécier; croyez m'en! Adieu, tout à vous pour la vie Nicolas.

Ma femme vous dit mille choses.


АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА